

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Приблизительно с середины XIV в. начинается подъем русской культуры, постепенно оправляющейся от «томления и муки» иноземного ига, под которым Русь еще продолжала находиться, но к свержению которого уже начинала интенсивно готовиться.

Первые признаки культурного возрождения сказались в восстановлении былых связей с Византией и южными славянами. Возобновляются отношения с Константинополем, с Афоном, с монастырями Болгарии и Сербии. Стремлению русских к центрам православной образованности на Балканах ответило стремление византийской и южнославянской интеллигенции искать на Севере, в России, убежище от военных тревог и иноземных завоеваний. Все интенсивнее и интенсивнее становились переезды средневековой монашеской интеллигенции из страны в страну.

Международные связи включили Русь в то новое движение Предвозрождения, которое охватило собой в XIV и начале XV в. Восточную Европу и часть Малой Азии.

Как уже говорилось выше, главное отличие Предвозрождения от настоящей эпохи Возрождения заключалось в том, что общее «движение к человеку», которое характеризует собой и Предвозрождение, и Возрождение, не освободилось еще от своей религиозной оболочки. Напротив, Предвозрождение на Балканах характеризуется даже некоторым укреп-

лением православия. Не выходя за пределы религиозного сознания, культура XIV в. больше, чем раньше, отражает интересы человека, становится «человечнее» во всех отношениях. Искусство психологизируется. Само христианство, в известной мере рассудочное и схоластическое в предшествующие века, получает новую опору в эмоциональных переживаниях личности. В живопись широко проникают темы личных страданий, усиливается интерес к человеческой психологии, развивается семейная тема в религиозной тематике. Изображение Христа, Богородицы и святых приобретает все более человеческие черты.

Характерное, но далеко не единственное предвозрожденческое течение представляло собой движение исихастов (молчальников). Мистические течения XIV в., охватившие Византию, южных славян и в умеренной форме Россию, ставили внутреннее над внешним, «безмолвие» над обрядом, проповедовали возможность индивидуального общения с богом в созерцательной жизни и в этом смысле были до известной степени противоцерковными. И это относится прежде всего к учению исихастов. Рассматривая исихазм, не следует выделять его из других умственных и религиозных течений того времени. В частности, несмотря на вражду исихастов и их противников варлаамитов, в учении последних также могут быть отмечены черты нового, как они могут быть отмечены и в собственно еретических движениях XVI в.— в болгарском богомилстве и русском стригольничестве.

Исихазм не был ересью в собственном смысле слова. Больше того, отдельные исихасты, и в первую очередь сам Евфимий Тырновский, деятельно боролись с ересями, но живая связь этого мистического течения с неоплатонизмом, свободное отношение к обрядовой стороне религии, своеобразный мистический индивидуализм делали его предвозрожденческим явлением.

Мистицизм в истории общественных движений играл различную роль. Он был характерен для раннего Возрождения на Западе, служил выражением общественного протеста против подчинения личности церковным обрядам, свидетельствовал о стремлении человека к личным переживаниям помимо церкви. Характеризуя явления подобного рода несколько более позднего периода, Ф. Энгельс писал: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XIV века представляет собой хорошо известный факт...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 361).

Глава движения исихастов Григорий Палама трактует в своих сочинениях о душевных силах, о человеческих чувствах, внимательно анализирует внутреннюю жизнь человека. Палама обращает внимание на роль внешних чувств в формировании личности и учит, что чувственные образы происходят от тела. Эти чувственные образы являются отображением внешних предметов, их зеркальным отражением. Содержание трактата Паламы «Олицетворение» составляет суд между душой и телом, заканчивающийся победой тела.

В сочинениях основоположников исихазма Григория Синаита и Григория Паламы развивалась система восхождения духа к божеству, учение о самонаблюдении, имеющем целью нравственное улучшение, раскрывалась целая лестница добродетелей. Углубляясь в себя, человек должен был победить свои страсти и отрешиться от всего земного, в результате чего он достигал экстатического созерцания, безмолвия.

В богословской литературе встречались сложные психологические наблюдения, посвященные разбору таких явлений, как восприятие, внимание, разум, чувство и т. д. Богословские трактаты различали три вида внимания, три вида разума, учили о различных видах человеческих чувств, обсуждали вопросы свободы воли и давали довольно тонкий самоанализ.

Сушественно, что эти трактаты не рассматривают все же человеческую психологию как

целое, не знают понятия характера. В них характеризуются отдельные психологические состояния, чувства и страсти, но не их носители.

Состав переводной литературы XIV и XV вв. на Руси очень характерен с точки зрения увлечения новыми темами. Это по преимуществу новинки созерцательно-аскетической литературы исихастов или сочинения, ими рекомендованные и им близкие. Здесь произведения Григория Синаита и Григория Паламы, а также их жития, произведения патриарха Каллиста и Евфимия Тырновского, Филофея Синаита, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Василия Великого, Илариона Великого, Аввы Дорофея, инока Филиппа (его знаменитая «Диоптра»), Дионисия Ареопагита (иногда называемого Псевдо-Дионисием или Псевдо-Ареопагитом), Симеона Нового Богослова и др.

Печать интереса к христианско-аскетическим темам лежит и на переводных произведениях наполовину светского характера, распространившихся на Руси именно в это время: на сербской сильно христианизированной «Александрии», на «Стефаните и Ихнилате», на апокрифической литературе и т. д.

В России исихазм оказывал воздействие главным образом через Афон. Центром новых настроений на Руси стал Троице-Сергиев монастырь, основатель которого Сергей Радонежский, «божественные сладости безмолвия вкусив», был исихастом. Из этого монастыря вышли главный представитель нового литературного стиля Епифаний Премудрый и главный представитель нового течения в живописи Андрей Рублев (безмолвная беседа ангелов — основная тема рублевской иконы «Троицы»). Исихазм не мог бы оказать такого влияния, если бы к этому не было достаточных предпосылок в самом русском обществе. Проникновению в русскую литературу психологизма, эмоциональности и особой динамичности стиля способствовали перемены, происшедшие в XIV—XV вв.

Структура человеческого образа в русской литературе предшествующего периода, в XII—XIII вв., была теснейшим образом связана с иерархическим устройством общества. Люди расценивались по их положению на лестнице общественных отношений. Каждый из изображаемых был прежде всего представителем своего социального положения, своего места в феодальном обществе. Его поступки рассматривались прежде всего с этой точки зрения.

Новое отношение к человеку появляется в русской литературе в конце XIV в. Для XIV—XV вв. характерен идейный кризис феодальной иерархии. Самостоятельность и устойчивость каждой из ступеней иерархии были поко-

леблены. Князь мог перемещать людей в зависимости от их внутренних качеств и личных заслуг. Центристремительные силы начинали действовать все сильнее, развивалось условное держание земель, на сцену выступали представители будущего дворянства. Государству нужны были люди, до конца преданные ему, — личные качества их выступали на первый план: преданность, ревность к делу, убежденность... Все это облегчило появление новых художественных методов в изображении человека, по самому существу своему не связанного теперь с иерархией феодалов. Интерес к внутренней жизни, резко повышенная эмоциональность как бы вторглись в литературу, захватили писателей и увлекли читателей.

Это развитие психологизма, эмоциональности было связано также и с развитием церковного начала в литературе. В отличие от светских жанров (летописей, воинских повестей, повестей

о феодальных раздорах и т. д.) в церковных жанрах (в житиях и проповеди) всегда уделялось гораздо большее внимание внутренней жизни человека, его психологии. Союз церкви и государства способствовал постепенному «оцерковлению» всех жанров. Особенно усиливается в литературе церковное начало с того времени, как среди монголо-татарских орд распространилось магометанство. Борьба с игом становится не только национальной, но и религиозной задачей. Татары в летописи конца XIV—XV вв. постоянно называются агарянами, измаилтянами, сарацинами, как назывались именно магометане.

Интерес к человеку и человеческой психологии, сказавшийся в Византии и южнославянских странах и подготовленный на Руси социально-политическими изменениями, привел к образованию во всех этих странах единого литературного направления, тесно связанного с идеями и настроениями Предвозрождения.

Во всех странах, поддерживавших между собою тесное культурное общение, — в Византии, на Руси, в Сербии и в Болгарии — возникает своеобразное единое литературное направление. Вырабатывается жанр витиеватых и пышных похвал, первоначально обращенных к славянским святым, покровительствовавшим победам соотечественников. В Сербии новый стиль сказывается уже в произведениях Доментиана, Феодосия и Даниила. В Болгарии эти первые похвалы составляются Иоанну Рыльскому и Илариону Мегленскому; в России новое литературное направление отчетливо сказывается в «Житии митрополита московского Петра», составленном переехавшим на Русь болгаринном, московским митрополитом Киприаном. Особенно пышного расцвета этот стиль дости

гает в житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского, принадлежащих перу замечательного писателя конца XIV — начала XV в. Епифания Премудрого. Новый стиль заявляет о себе и в переводах исторических произведений (в «Хронике» Манассии, в «Троянской истории» и др.).

Новое литературное движение выработало литературные вкусы, определившие форму и содержание литературных произведений двух ближайших столетий. Оно опиралось на особые работы по грамматике, стилистике, по выработке сложной книжной литературной речи. Оно было связано с попытками унифицировать орфографию, самый почерк рукописей и с громадной переводческой работой: на славянские языки делались многочисленные переводы с греческого, пересматривались и исправлялись старые переводы.

В результате всего этого огромного совместного труда славянских ученых были выработаны литературные принципы, способные передать пышность, торжественность тем и подъем чувств своего времени и отразившие интерес к человеческой психологии.

Новая литературная школа привела к усиленному развитию литературного языка, к усложнению синтаксиса, к появлению многих новых слов, в особенности для выражения отвлеченных понятий. В этом росте русского литературного языка стираются местные, областные различия и создается конкретная почва для объединения всей русской литературы. С трудами-представителей нового литературного направления литература и книжность окончательно теряют черты феодально-областной ограниченности и укрепляются их связи с литературами, южных славян.

Новый литературный стиль XIV—XV вв. получил в научной литературе не совсем точное название «плетение словес». Первоначальный смысл этого выражения — «плетение словесных венков», т. е. создание похвал, но потом, это выражение приобрело смысл создания словесной орнаментики.

«Плетение словес» основано на внимательнейшем отношении к слову: к его звуковой стороне (аллитерации, ассонансы и т. п.), к этимологии слова (сочетания однокоренных слов, этимологически одинаковые окончания), к тонкостям его семантики (сочетания синонимические, тавтологические и пр.), — на любви к словесным новообразованиям, составным словам, калькам с греческого. Поиски слова, нагромождения эпитетов, синонимов исходили из представления о тождестве слова и сущности божественного писания и божественной благодати. Напряженные поиски эмоциональной вырази-

тельности, стремление к экспрессии основывались на убеждении, что житие святого должно отразить частицу его сущности, быть написанным «подобными» словами и вызывать такое же благоговение, какое вызывал и он сам. Отсюда — бесконечные сомнения авторов в своих литературных способностях и полные нескрываемой тревоги искания выразительности, экспрессии, адекватной словесной передачи сущности изображаемого.

Стиль второго южнославянского влияния отразился только в «высокой» литературе Средневековья, в литературе церковной по преимуществу. Основное, к чему стремятся авторы произведений высокого стиля, это найти общее, абсолютное и вечное в частном, конкретном и временном, «невещественное» в вещественном, христианские истины во всех явлениях жизни. Из высоких литературных произведений по возможности изгоняется бытовая, политическая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны, некоторые исторические упоминания и т. д. Если приходится говорить о конкретных политических явлениях, то писатель предпочитает называть их, не прибегая к политической терминологии своего времени, а в общей форме, предпочитает выражаться о них описательно, давать названия должностей в их греческом наименовании, прибегает к перифразам и т. д.: вместо «посадник» — «вельможа некий», «старейший», «властелин граду тому», вместо «князь» — «властитель той земли», «стратиг» и т. д. Изгоняются собственные «мена, если действующее лицо эпизодично: «человек один», «мужь некто», «некая жена», «некая дева», «негде в граде». Прибавления «некий», «некая», «един» служат изъятию явления из окружающей бытовой обстановки, из конкретного исторического окружения.

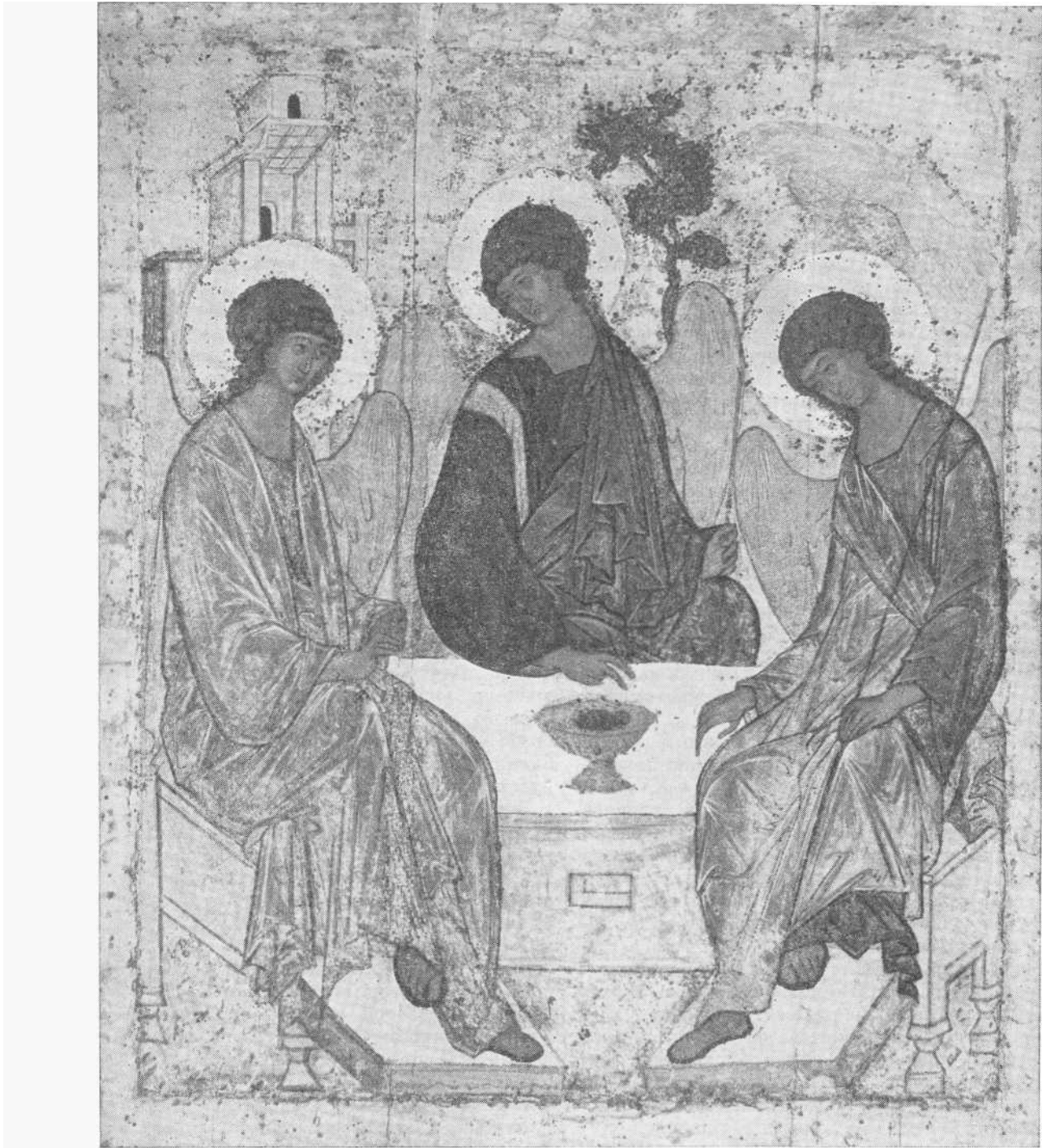
Абстрагирование поддерживается постоянными аналогиями из библейских книг, которыми сопровождается изложение событий жизни святого. Аналогии заставляют рассматривать жизнь святого под знаком вечности, видеть во всем только самое общее, всюду искать наставительный смысл. Для «высокого» стиля Средневековья характерны трафаретные сочетания, привычный «этикет» выражений, повторяемость образов, сравнений, эпитетов, метафор и т. д.

Стиль русской церковной литературы времени второго южнославянского влияния вносит в эту абстрагирующую тенденцию чрезвычайно сильную и характерную особенность: до экзальтации повышенную эмоциональность, экспрессию, сочетающуюся с абстрагированием, отвлеченность чувств, приложенную к отвлеченности богословской мысли.

Авторы стремятся избежать законченных определений и характеристик. Они подыскивают слова и образы, не удовлетворяясь найденными. Они без конца подчеркивают те или иные понятия и явления, привлекают к ним внимание, создают впечатление невыразимой словами глубины и таинственности явления, примата духовного начала над материальным. Зыбкость материального и телесного при повторяемости и «извечности» всех духовных явлений — таков мировоззренческий принцип, становящийся одновременно и принципом стилистическим. Этот принцип приводит к тому, что авторы широко прибегают и к таким приемам абстрагирования и усиления эмпатичности, которые с точки зрения нового времени могли бы скорее считаться недостатком, чем достоинством стиля: к нагромождениям однокоренных слов, тавтологическим сочетаниям и т. д. Таковы соединения однокоренных слов: «начинающему начинание», «устрашиться страхом», «запрещением запретить», «учить учением» и т. д. Некоторые из подобных однокоренных сочетаний свойственны русскому языку вообще, однако в ряде случаев намеренность однокоренных сочетаний видна вполне ясно: «насытите сытых до сытости, накормите крмящих вас, напитайте питающих вы».

Говоря о сочетаниях однокоренных слов, мы должны сказать и еще об одном явлении, связанном с этим, — о своеобразной игре слов, их «извитии». Эта игра слов должна была придать изложению значительность, ученость и «мудрость», заставить читателя искать «извечный», тайный и глубокий смысл за отдельными изречениями, сообщить им мистическую значительность. Перед нами как бы священнописание, текст для молитвенного чтения, словесно выраженная икона, изукрашенная стилистическими драгоценностями. «Печаль приат мя в жалость поят мя» — говорит о себе автор «Жития Сергия Радонежского». Одна из добродетелей того же святого — «простота без пестроты», ту же игру созвучиями, придающими речи особую афористичность, представляют и следующие примеры: «чадо Тимофее, внимай чтению и учению и утешению»; «один инок, един възединенный и уединялся, един уединенный, един единого бога на помощь призывая, един единому богу моляся и глаголя».

Все эти приемы не способствуют ясности смысла, но придают стилю повышенную эмоциональность. Слово воздействует на читателя не столько своей логической стороной, сколько общим напряжением таинственной многозначительности, завораживающими созвучиями и ритмическими повторениями.

Андрей Рублев. Троица

1425 — 1427 гг.

Икона из Троице-Сергиевской лавры. Москва, Третьяковская галерея

тированными монологами святых, абстрагирующими и эмфатическими нагромождениями синонимов, эпитетов, сравнений, цитат из библейских книг и т. д. Авторы житий постоянно говорят о своем бессилии выразить словом всю святость святого, пишут о своем невежестве, неумении, неучености, молятся о даровании им дара слова, сравнивают себя с неговорящим младенцем, со слепым стрелком; то признают свою речь «неудобренной», «неустроенной» и «не ухищренной», то приравнивают свою работу к хитрой работе паука, при этом сами слова оказываются дороже «тысящ злата и серебра», дороже «камни сапфира» и слаще меду. Тем же поискам слова отвечают и неологизмы, стремление к которым особенно усилилось в XIV и XV вв. Эти неологизмы необходимы писателям, с одной стороны, потому, что такие лексические образования не обладают бытовыми ассоциациями, подчеркивают значительность, «духовность» и «невывразимость» явления, а с другой стороны, будучи по большей части составлены по типу греческих, придают речи «ученый» характер; «зломудрец» и «злоначинатель», «нищекрмие», «многоплачие», «бесомолцы», «горопленный», «волкохищный», «благосенноли- ственный». Неологизмы XIV—XV вв. вовсе не свидетельствуют о стремлении писателей этого времени к новизне выражения, они и воспринимаются не как нечто новое в языке, а как выражения ученые, усложненные и «возвышенные».

Как ни относиться к художественным целям, которые ставили себе авторы житийно-панегирических произведений конца XIV—XV вв., необходимо все же признать, что они видели в своей писательской работе подлинное и сложное искусство, стремились извлечь из слова как можно больше внешних эффектов, виртуозно играя словами, создавая разнообразные, симметрические сочетания, вычурное «плетение словес», словесную «паутину».

Новый стиль ответил новому содержанию — в первую очередь житийной литературы. В житийной литературе конца XIV — начала XV в. все движется, все меняется, обьято эмоциями, до предела обострено, полно экспрессии. Авторы как бы впервые заглянули во внутренний мир своих героев, и внутренний свет их эмоций как бы ослепил их, они не различают полутонов, не способны улавливать соотношение переживаний. До крайней степени экспрессии доводятся не только психологические состояния, но и поступки, действия, события, окружающиеся эмоциональной атмосферой. Стефан Пермский, рассказывает о нем Епифаний Премудрый, сокрушает идолов, не имея «страхования». Он сокрушает их «без боязни и без ужа

сти», день и ночь, в лесах и в полях, без народа и перед народом. Он бьет идолов обухом в лоб, сокрушает их по ногам, сечет секирою, рассекает на члены, раздробляет на поленья, крошит на «иверения» (щепки), искореняет их до конца, сжигает огнем, испепеляет пламенем...

Все чувства обладают неимоверной силой. Любовь к Кириллу Белозерскому влекла к нему Пахомия Сербя, подобно железной цепи. Дружба Сергия Радонежского и Стефана Пермского связывает их с такою силою, что они чувствуют приближение друг к другу на далеком расстоянии.

Первостепенное значение приобретает даже не сам поступок, подвиг, а то отношение к подвигу, которое выражает автор, эмоциональная характеристика подвига, всегда повышенная, как бы преувеличенная и вместе с тем абстрактная. Преувеличиваются самые факты, зло и добро абсолютизированы, никогда не выступают в каких-либо частичных проявлениях. Только две краски на палитре автора — черная и белая. Отсюда пристрастие авторов к различным преувеличениям, к экспрессивным эпитетам, к психологической характеристике фактов. Весть о смерти Стефана «страшная», «пространная», «пламенная», «горькая» и т. д.

Новое в изображении человека может быть отмечено не только в житиях святых. Жанр житий только наиболее характерен для этого времени. Особое значение в развитии литературного психологизма имеет «Русский хронограф» — памятник самого начала XVI в., очень близкий по стилю, хотя и не тождественный, русским житиям Епифания Премудрого.

Экспрессивный стиль в литературе сталкивается со стилем сдержанным и умиротворенным, отнюдь не шумным и возбужденным, но не менее психологичным, вскрывающим внутреннюю жизнь действующих лиц, полным эмоциональности, но эмоциональности сдержанной и глубокой.

Если первый, экспрессивный, стиль близок к горячему и динамичному творчеству Феофана Грека, то второй стиль — стиль сдержанной эмоциональности — близок вдумчивому творчеству знаменитых русских художников Андрея Рублева и Дионисия.

Ни живописный идеал человека, ни литературный не развивались только в пределах своего искусства. Идеал человека создавался в жизни и находил себе воплощение в литературе и живописи. Этим объясняется то общее, что есть между видами искусства в изображении идеальных человеческих свойств.

Творчеству Андрея Рублева и художников его круга на рубеже XIV—XV вв., а также Дионисия на рубеже XV—XVI вв. в русской

литературе начала XVI в. может быть подыскано соответствие в «Повести о Петре и Февронии Муромских», рассказывающей о любви князя Петра и простой крестьянской девушки Февронии — любви сильной и непобедимой, «до гроба».

Буря страстей, поднятая в литературе произведениями Епифания и Пахомия Серба, в «Повести о Петре и Февронии», сменилась тишиной умиротворенного самоуглубления, эмоциональностью, отвергнувшей всякую эффективность. Феврония подобна тихим ангелам Рублева. Она «мудрая дева» сказочных сюжетов. Внешние проявления ее большой внутренней силы скупы. Она готова на подвиг самоотречения, победила свои страсти. Ее любовь к князю Петру потому и непобедима, что она побеждена внутренне ею самой, подчинена уму. Вместе с тем ее мудрость — свойство не только ума, но в такой же мере — ее чувства и воли. Между ее чувством, умом и волей нет конфликта; отсюда необыкновенная «тишина» ее образа.

Необходимо отметить, что «Повесть о Петре и Февронии», возникшая, как можно предположить, в своей основе не позднее второй четверти XV в., но получившая окончательное оформление в начале XVI в. под пером Ермолая Еразма, тесно связана с фольклором.

Первое появление в повести девушки Февронии запечатлено в зрительно отчетливом образе. Ее нашел в простой крестьянской избе посланец муромского князя Петра, заболевшего от ядовитой крови убитого им змея. В бедном крестьянском платье Феврония сидела за ткацким станком и занималась «тихим» делом — ткала полотно, а перед нею скакал заяц, как бы символизируя собой слияние ее с природой. Ее вопросы и ответы, ее тихий и мудрый разговор ясно показывают, что «рублевская задумчивость» не бездумна. Феврония изумляет посланцев своими вещими ответами и обещает помочь князю. Сведущая в целебных снадобьях, она излечивает князя, как в романе о Тристане и Изольде Изольда излечивает Тристана, зараженного кровью убитого им дракона.

Несмотря на социальные препятствия, князь женится на крестьянской девушке Февронии. Как и любовь Тристана и Изольды, любовь Петра и Февронии преодолевает иерархические преграды феодального общества и не считается синением окружающих. Чванливые жены бояр невзлюбили Февронию и требуют ее изгнания, как вассалы короля Марка требуют изгнания Изольды. Князь Петр отказывается от княжества и уходит вместе с женой.

Животворящая сила любви Февронии так велика, что жердя, воткнутые в землю, по ее благословию расцветают, превращаясь в

деревья. Крошки хлеба в ее ладони обращаются в зерна священного ладана. Она настолько сильна духом, что разгадывает мысли встреченных ею людей. В силе своей любви, в мудрости, как бы подсказываемой ей этой любовью, Феврония оказывается выше своего идеального мужа — князя Петра.

Их не может разлучить сама смерть. Когда Петр и Феврония почувствовали приближение смерти, они стали просить у бога, чтобы он дал им умереть в одно время, и приготовили себе общий гроб. После того они приняли монашество в разных монастырях. И вот, когда Феврония вышивала для храма богородицы «воздух» (покрыв для святой чаши), Петр послал ей сказать, что он умирает, и просил ее умереть вместе с ним. Но Феврония просит дать ей время дошить покрывало. Вторично послал к ней Петр, велел сказать: «Уже мало пожду тебя». Наконец, посылая в третий раз, Петр говорит ей: «Уже хочу умереть и не жду тебя». Тогда Феврония, которой осталось дошить лишь одну ризу святого, воткнула в покрывало иглу, обертела вокруг нее нитку и послала сказать Петру, что готова умереть с ним вместе. Так и Тристан оттягивает час кончины. «Срок близится, — говорит Тристан Изольде, — разве мы не испили с тобою все горе и всю радость. Срок близится. Когда он настанет и я позову тебя, Изольда, придешь ли ты?» — «Зови меня, друг, — отвечает Изольда, — ты знаешь, что я придду».

После смерти Петра и Февронии люди положили их тела в отдельные гробы, но на следующий день тела их оказались в общем, заранее приготовленном гробу. Люди второй раз попытались разлучить Петра и Февронию, но снова тела их оказались вместе, и после этого уже их не смели разлучать. Так же точно в победе любви над смертью Тристан спускается на могилу Изольды цветущим терновником (в некоторых вариантах романа они тоже оказываются в одном гробу).

Образы героев этого рассказа, которых не могли разлучить ни бояре, ни сама смерть, для своего времени удивительно психологичны, но без всякой экзальтации. Их психологичность внешне проявляется с большой сдержанностью.

Отметим и сдержанность повествования, как бы вторящего скромности проявления чувств. Жест Февронии, втыкающей иглу в покрывало и обертывающей вокруг воткнутой иглы золотую нить, так же лаконичен и зрительно ясен, как и первое появление Февронии в повести, когда она сидела в избе за ткацким станком, а перед нею скакал заяц. Чтобы оценить этот жест Февронии, обертывающей нить вокруг иглы, надо помнить, что в древнерусских литературных произведениях нет быта, нет детальных

описаний — действие в них происходит как бы в сукнах. В этих условиях жест Февронии драгоценен, как и то золотое шитье, которое она шила для святой чаши.

2. ОБРАЩЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ НЕЗАВИСИМОСТИ РУСИ

Предвозрожденческое движение в России слилось с патриотическими идеями и идеями главенства Москвы.

Не случайно представитель исихазма на Руси, болгарин по происхождению, митрополит Киприан пишет «Житие митрополита московского Петра», где подчеркивает «могущество и величие Москвы, силу и значение великого князя Московского».

Другой представитель «молчаливости», Сергей Радонежский, употребляет весь евой авторитет на поддержку Москвы. В поисках опоры для своего культурного возрождения русские, как и другие европейские народы, обращаются к древности, но не к древности классической (Греция, Рим), а к своей национальной. И в этом следует видеть главную особенность русского Предвозрождения.

В самом деле, к концу XIV — началу XV в. в связи с борьбой Руси за свою национальную самостоятельность во всех областях русской культуры возникает интерес к эпохе былой независимости русского народа. Москва занята возрождением всего политического и культурного наследия Владимира: в Москве возрождаются строительные формы Владимира, его живописная школа, его традиции письменности и летописания. В Москву переводятся владимирские святыни, становящиеся отныне главными святынями Москвы. В Москву же переносятся и те политические идеи, которыми руководствовалась великокняжеская власть во Владимире. И эта преемственность политической мысли оказалась и действенной и значительной, придав уже в XIV в. политике московских князей цели, осуществить которые Москве удалось только во второй половине XVII в. Идеей этой была идея киевского наследия. Московские князья, настойчиво добивавшиеся ярлыка на Владимирское великое княжение, так же, как и владимирские, видели в себе потомков Владимира Мономаха. В их городе с начала XIV в. проживал митрополит Киевский и всея Руси, и они считали себя законными наследниками киевских князей — их земель, их общерусской власти.

Постепенно, по мере того как растет роль Москвы, эта идея киевского наследия крепнет и занимает все большее место в политических домогательствах московских князей, соединяясь

с идеей владимирского наследия в единую идею возрождения традиций домонгольской Руси. Борьба Москвы за Киев как центр русской православной церкви постепенно принимает национальный характер и вскоре переходит в борьбу за старые земельные владения киевских князей, отныне объявляемые «вотчинами» московских государей. Московские князья претендуют на все наследие Владимира I Святославовича и Владимира Мономаха, на все наследие князей Рюрика дома.

Борьба за киевское наследие была борьбой с Литвой и с Польшей за русские земли, но она же была и борьбой с Ордой, поскольку киевское наследие было наследием национальной независимости, национальной свободы. Борьба за киевское наследие была борьбой за старейшинство московского великого князя среди всех русских князей, она означала борьбу за единство народа, за Смоленск, Полоцк, Чернигов, за Киев, она означала тяжкий политический труд по созданию Русского государства.

Этот повышенный интерес к «своей античности» — к старому Киеву, к старому Владимиру, к старому Новгороду — отразился в усиленной работе исторической мысли, в доставлении многочисленных и обширных летописных сводов, исторических сочинений, в обостренном внимании к произведениям XI — начала XIII в.

Идеи обращения к временам национальной независимости, сказавшиеся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, имели глубоко народный характер. В этом убеждает русский былевой эпос, где эти идеи также сказывались в полной мере.

Сюжетно русский былевой эпос XIV—XV вв. расширился очень мало. Однако есть все основания полагать, что он подвергся в это время значительному переосмыслению. Это переосмысление прежде всего сказалось в отождествлении печенегов, половцев и татар как единых степных врагов Руси. Вместо печенегов и половцев русские былины стали говорить о татарах. Татары выступали врагами Руси не только в таких сравнительно новых былинах, как былина «О гибели богатырей», но и во всех былинах Владимирового цикла. Богатыри, собравшиеся при дворе Владимира в Киеве, выезжают против татар, защищают от татар Киев, побеждают татарского бахвалычика — Идолище поганое.

Татарская тема стала в этот период ведущей темой русского былевого эпоса. Она соединилась с идеей восстановления справедливости. Народ стал изображать в былинах врагов Руси хвастливыми, глупыми и трусливыми насильниками. Русские богатыри неизменно одерживают победы и над Идолищем поганым, и над Соловьем-Разбойником, и над Калином-ца-

рем. При этом надо иметь в виду, что под «татарами» русский эпос понимает не какую-то определенную национальность, а врагов Руси как таковых: печенегов, половцев и все те же многонациональные орды, которые вел с собой на Русь хан Батый, а впоследствии ханы многонациональной Золотой Орды.

Перестраиваются былины и сюжетно. Действие одних былин переносится в Орду, в других былинах враг, становясь татарин, принимает на себя некоторые функции, которые были свойственны только татарам. Усиливается в былинах и противопоставление «вежества» русского богатыря, его сообразительности и ума грубости и невежеству врага-татарина.

Значительной перестройке подверглись былины и в связи с тем, что начавшаяся еще в домонгольское время циклизация былинных сюжетов вокруг Киева и князя Владимира получила новый толчок для своего развития в подъеме национального самосознания XIV—XV вв., в новом устремлении к единению и в обращении к Киеву и киевскому времени как времени независимости и могущества Руси.

Разновременные летописные записи, сделанные летописцами в XV и XVI вв. на основании различных былевых песен сказителей, могут раскрыть нам историю былинных сюжетов об одном из главных богатырей русского эпоса — Алеше (Александре) Поповиче. Упоминания о нем, попавшие в летопись в начале XV в., говорят иное, чем летописные записи конца XV в., а записи XVI в. интерпретируют сюжеты, с ним связанные, еще иначе — ближе к тому, что рассказывают о нем былины, записанные в Новое время. Отсюда ясно, что былины об Александре Поповиче прошли огромный путь развития и подверглись значительным изменениям. Эти изменения характерны и, по-видимому, были свойственны сюжетам, связанным и с другими богатырями. Поэтому на них стоит остановиться особо. Древнейший рассказ об Александре Поповиче находится в так называемом Тверском сборнике (или Тверской летописи), составленном в 1534 г., но включившем рассказ гораздо более ранний. Автор этого рассказа имел под рукой какое-то еще более древнее «Описание», где рассказывалось о подвигах Александра Поповича. Автор решил включить в свое повествование содержание «Описания», так как его тревожили «высокоумие» и кичливость русских князей, принесшие гибель русским богатырям. Он хотел своим рассказом укорить князей за самонадеянность и восславить своего земляка, ростовского «храбра» Александра Поповича, погибшего в битве по легкомыслию князей.

«Описание» не отличается детальностью. Оно суммарно излагает события. Александр

Попович служил первоначально владимирскому великому князю Всеволоду Юрьевичу (Большое Гнездо). Когда Всеволод отдал Ростов своему сыну Константину, Александр стал ему служить со своим слугой Торопом. На службе у Константина Александр совершил ряд богатырских подвигов, защищая Ростов от соседних князей. Следовательно, Александр — здесь еще местный богатырь; и есть враги князя и княжества, но нет еще врагов Руси. На Ростов напал брат Константина Юрий и стал станом на реке Ишне. Константин бежал из Ростова. Александр же один оставался в нем, выходя из города на войска Юрия, и избивал многих из его людей. «Всякие» могилы, наполненные костями убитых Александром, еще и доньше, говорит автор описания, видны на реке Ишне и в других местах. С какой бы стороны ни подступали враги к Ростову, Александр со своими «храбрами» выходил на ту сторону и избивал врагов. Не раз приходил на Ростов Юрий, но каждый раз с позором удалялся. Знаменитая победа на Липцах также согласно «Описанию» была одержана благодаря подвигам Александра. К описанию подвигов Александра Поповича во время Липецкой битвы много подробностей добавляет Никоновская летопись. Все детали говорят о том, что рассказ этот и по композиции, и по отдельным мотивам типично былинный. Но любопытно то, что он отражает еще домонгольские представления о верности богатыря местному князю. Богатырь или, вернее, «храбр», как согласно домонгольской терминологии называет его «Описание», — еще не общерусский, а только местный герой. Но в том же «Описании» есть уже и другая, очень важная деталь. Когда Константин Ростовский умер, к Александру Поповичу в его стан съезжаются все русские «храбры» и совещаются между собой. Если им оставаться служить по разным княжествам, то быть им перебитыми поодиночке, так как среди князей на Руси «великое неустроение» и частые междоусобные битвы. «Храбры» уславливаются ехать служить единому общерусскому князю в Киев — мать городов русских. В Киеве, рассказывает автор «Описания», княжил в это время великий князь Мстислав Романович Смоленский. «Храбры» били челом киевскому князю, который принял их к себе на службу и впоследствии много гордился и хвалился своею дружиною. Когда до Мстислава Романовича дошли слухи о появлении татар, которые многие земли пленяют и приблизились уже к «русским странам», Мстислав в гордости заявил: «До тех пор, пока я в Киеве, — по Ник, и по Понтийское (Черное) море, и по реку Дунай саблей не махивать». Можно думать, что результатом этой похвальбы и была гибель Александра

Поповича и его 70 «храбров» в битве с татарами на Калке, о чем упоминают многие русские летописи XV—XVI вв. на основании былевых песен.

В недавно найденной новой «Повести об Александре Поповиче» XVI в. характерно смешивались черты общерусского служения Александра Поповича единому русскому князю с чертами местными и областническими, когда он выступал представителем одного из русских княжеств, обороняя его от других русских князей.

Богатырь Александр Попович служит местному Залескому князю Мстиславу, который хотя и сидит в Галиче на севере, но правит всей Русской землей. Под рукой у него 32 русских князя. Этого князя Александр обороняет от киевского князя Мстислава же, который идет на галицкого князя со всеми исконными врагами Руси — жемотью, печенегами и половцами. Александр со своим слугой Торопом выезжает для обороны Русской земли на реку Почайну, которая обычно является пограничной рекой Руси. Он бьется против воеводы, киевского князя Волчий Хвост.

Таким образом, служение местному князю переосмыслено как служение единому русскому князю, а выступление против киевского князя превратилось в выступление против врагов Руси.

Летописи XVI в. (Никоновская, Степенная книга) говорят об Александре Поповиче как о богатыре киевского князя Владимира I Святославовича, переводя его, следовательно, на два с лишком века назад. Это новый этап циклизации былин. Можно думать, что рассказы былин о приезде богатыря в Киев отражают такой же процесс циклизации вокруг Киева, а потом и князя Владимира русских былинных сюжетов. Циклизация совершалась путем присоединения к основному сюжету рассказа о переезде богатыря в Киев, а потом и путем перемены имени того киевского князя, к которому перешел служить богатырь, на имя Владимира.

В былинах XIX—XX вв. сохранились рассказы о приезде в Киев Александра Поповича и Екима Ивановича из Ростова, Ильи Муромца из Муромца, Добрыни из Рязани, Дюка Степановича из Волынца-Галича. Приезжают в Киев и Чурило, и Никита Залешанин и др. В некоторых былинах говорится, что богатырь приезжает в Киев, слышав о нависшей над Киевом опасности, но только в «Описании» полностью раскрывается внутренний смысл этих переездов — это отказ богатыря от служения местным интересам ради служения родине. Киев и киевский князь выступают в рассказе «Описания» как символы общерусского единства: киевский

князь прямо назван «единым» князем. Впоследствии в былинах смысл этих переездов затемнился и остался только самый факт приезда богатыря в Киев, а след его местности — в прозвище: Муромец, Залешанин (из Залесской местности).

В результате княжение Владимира I Святославовича вообще окружено в поздних летописях роем богатырских имен, свидетельствуя тем самым о наличии в XVI в. ив предшествующее время обширного богатырского эпоса. Одна из летописных статей Никоновской летописи имеет даже особый заголовок — «Богатыри». Под ним упоминается и Александр Попович, который вместе с другим богатырем, Яном Усмош- вецом, избил множество печенегов и взял в плен князя из Родмана, приведя его с тремя сыновьями к князю Владимиру. Владимир устроил на радостях пир, роздал богатую милостыню и велел развезти по городу тем, кто не мог явиться на пир, великие кади и бочки меду и квасу, рыбу и мясо. Таких подвигов Александр Попович совершает несколько. Важно отметить, что противники Александра Поповича — Воло- дарь и половцы — не могли появиться под стенами Киева. Половцев не было еще в южно- русских степях при Владимире Святославовиче. Володарь с половцами подступал к Киеву при Владимире Мономахе. Следовательно, былины колеблются между Владимиром Святославовичем и Владимиром Мономахом, делая то одного, то другого современником богатырей. Упомянем, что следы этого колебания заметны и в былинах Нового времени. В современных былинах Александр Попович выступает иногда как богатырь Владимира Мономаха: Тугарин Змеевич, с которым борется Алеша Попович в известной былине,— историческое лицо времени Владимира Мономаха — половецкий князь Тугорхан.

Таким образом, в русских летописях отразилось несколько сюжетов былин об Александре Поповиче. В одних из них, наиболее древних, он выступает как местный герой, «ростовский житель», и действует при ростовском князе Константине Всеволодовиче в XIII в., защищая Ростов от других русских князей. В других он переезжает в Киев к «единому» русскому князю Мстиславу Романовичу и там гибнет за общерусское дело. В третьих он защищает Киев от половцев и Володаря при Владимире Моно махе. В четвертых, наиболее поздних записях, защищает Киев от врагов при Владимире Святославовиче и уже называется «богатырем».

Таким образом, Александр Попович как местный герой предшествует Александру Поповичу как «храбру» и богатырю общерусскому. Развитие былинных сюжетов идет параллель-

но развитию и росту общенародного самосознания. Несомненно, что циклизация былин вокруг Киева и князя Владимира Красного Солнышка, начавшаяся еще до Батыева нашествия, усиленно продолжалась в XIV и в середине XV в., завершившись еще перед присоединением Новгорода к единому русскому централизованному государству. Вот почему новгородские былины (о Садке, о Василии Буслаевиче, о госте Терентьище и др.) не вошли в киевский цикл, сохранив вместе с тем все отличительные новгородские особенности своего содержания. Русский эпос собирается вокруг Киева и Владимира, как русские земли собирались вокруг Москвы и московского князя. Это была все та же всепроникающая идея обращения ко временам национальной независимости, которая пронизала в конце XIV и XV в. всю русскую политическую жизнь, русское искусство, русскую литературу.

Эпические произведения идеализировали события и героев, которые были дороги для народного самосознания. Владимир стал представителем всего русского народа; он борется и с татарами, которые заслонили в сознании русских более ранних врагов Руси. Так же точно создан и цикл Карла Великого во французском эпосе. Грандиозная фигура Карла Великого стала представительницей всей «милой Франции». Карл «ведет войны с язычниками-саксами, но его тень потревожили и для старой борьбы с сарацинами» (А. Н. Веселовский).

К сожалению, в древнерусской письменности отразились только изменения в сюжете эпических преданий об Александре Поповиче. Хотя другие богатыри и упоминаются в летописях, но настолько эпизодически, что не дают возможности проследить сюжетных изменений.

Тем не менее мы можем говорить о том, что в XIV—XV вв. киевский князь Владимир и Киев вытеснили в былинах все другие города и всех других князей не потому, что забылись местные князья и местные центры, а в тесной связи с историческими воззрениями народа. Эта мысль была в свое время высказана замечательным ученым Ф. И. Буслаевым, назвавшим русский народный эпос «выражением исторического самосознания народа».

Обратимся к литературе. В литературе конца XIV—XV в. ясно чувствуется влияние памятников литературы домонгольской Руси: «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повести временных лет», «Киево-Печерского патерика», и «Слова о полку Игореве». Влияние всех этих памятников особенно заметно в произведениях, посвященных национально-патриотическим темам.

Куликовская битва, принеся с собой об

щий народный подъем, вызвала большое число различных произведений: летописных, житийных, повествовательных, фольклорных. Четыре произведения одно за другим возникли в конце XIV — начале XV в. на основе песен и рассказов о «Мамаевщине».

Первоначально появились летописные повести о Куликовской битве — краткая и пространная. Затем, после смерти Дмитрия Донского (1389), создается «Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». Цель составления его — окружить ореолом святости род московских великих князей и тем способствовать укреплению его престижа. Оно помогало идеологически закрепить уже достигнутые успехи московской политики. В пространной похвале, составленной в новой литературной манере, Дмитрий называется «высокопаривым орлом», «огнем, попяляющим нечестие», «ветром, плевелы развевающим», «трубой спящим», «воеводой мирным», «венцом по победе», «кораблем богатству» и т. д.

Разительной особенностью этого произведения явилось использование в нем народных причитаний. Плачу вдовы Донского — княгини Евдокии были найдены в народной поэзии многочисленные и очень близкие параллели: «Солнце мое, рано заходиши, — плачет вдова княгиня по Дмитрии, — месяц мой красный, рано погибавши, звездо восточная, почто к западу грядеши»; «Старые вдовы, потешите меня, а младые вдовы, плачите со мною, вдовья бо беда горчае всех людей».

Крупнейшее произведение начала XV в. о Куликовской битве — «Задонщина», названная так по месту битвы на Куликовом поле, «за Доном». Уже первые повести о Куликовской победе, возникшие вскоре после событий 1380 г., характеризуются поисками героического стиля, способного отобразить величие события, и поиски эти привели к лучшим произведениям домонгольской эпохи — эпохи национальной независимости: к произведениям Илариона, к народной поэзии, к «Повести временных лет», а также к «Повести о разорении Рязани Батыем». В «Задонщине» этот героический стиль был найден: он явился в сочетании художественной манеры «Слова о полку Игореве» и народной поэзии. Автор «Задонщины» верно ощутил поэзию «Слова о полку Игореве», не ограничившись только поверхностными заимствованиями, сумев изложить героические события Куликовской победы в той же художественной системе, создав произведение большой эстетической силы.

«Задонщина», по существу, представляет собою обширное прославление победы. Прославление ее соединяется в «Задонщине» с элегической печалью по павшим. По выражению

автора «Задонщины», это «жалость и похвала»: жалость по убитым, похвала живым. Моменты славы и восхваления сочетаются в ней с мотивами элегических плачей, радость — с «тугою», грозные предчувствия — со счастливыми предзнаменованиями и т. д.

Обращение к «Слову о полку Игореве» стоит в связи с исторической концепцией «Задонщины», свидетельствует об интенсивности исторической мысли начала XV в., о глубине и оригинальности художественного замысла «Задонщины». Автор «Задонщины» имел в виду не только использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы, но и вполне сознательное сопоставление самих событий прошлого и настоящего, событий, изображаемых в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. С точки зрения автора «Задонщины», «Слово о полку Игореве» повествует о начале монголо-татарского ига, кончившегося после Куликовской победы.

События «Слова...» и события «Задонщины» во многом схожи между собой, но битва на Каяле противостоит битве на Дону, как начало обширного периода чужеземного ига — его концу. Начало и конец «жалости земли Русской» (так называет автор «Задонщины» монголо-татарское иго) во многом схожи, но во многом и противоположны. События сопоставляются и противопоставляются на всем протяжении «Задонщины». В этом сближении событий прошлого и настоящего — пафос исторического замысла «Задонщины», отразившей обычное в исторической мысли конца XIV — начала XV в. сближение борьбы с половцами и борьбы с татарами как двух этапов единой по существу борьбы со степью, с «диким полем» за национальную независимость.

Центральный момент и в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине» — битва с «погаными». И в «Слове...» и в «Задонщине» битва драматично развернута в двух эпизодах, но в «Задонщине» последовательность этих эпизодов обратна последовательности их в «Слове...». В «Слове о полку Игореве» исход первой половины битвы счастливый, второй — печальный. В «Задонщине», наоборот, первая половина грозит разгромом русскому войску, вторая — приносит победу. В «Слове о полку Игореве» грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск: волки грозу сулят по оврагам, орлы клекотом на кости зверей зовут, лисицы лают на багряные щиты русских. В «Задонщине» те же зловещие знамения сопутствуют походу татарского войска: птицы под облака летят, вороны часто грают, а галицы свою речь говорят, орлы клекочат, волки грозно воют, а лиси

цы на костях брешут. В «Слове о полку Игореве» «дети бесови» (т. е. половцы) кликом поля перегородили; в «Задонщине» же русские сыны широкие поля кликом огородили. В «Слове...» черна земля под копытами была посеяна костями русских; в «Задонщине» же черна земля под копытами костями татарскими была посеяна. В «Слове...» кости и кровь русских, посеянные на поле битвы, всходят «тугою» по Русской земле; в «Задонщине» же восстала земля «татарская», бедами и «тугою» покрывшись. В «Слове...» тоска разлилась по Русской земле; в «Задонщине» же по Русской земле простерлось веселие и буйство. В «Слове...» поганые приходили со всех сторон с победами на землю Русскую; в «Задонщине» же сказано о татарах, что уныло царей их веселие и похвальба на Русскую землю ходить. В «Слове...» готские красные девы звенят «русским» золотом; в «Задонщине» же русские жены всплескали «татарским золотом».

«Туга», разошедшаяся в «Слове о полку Игореве» после поражения по всей Русской земле, сходит с нее в «Задонщине» после победы русских. То, что началось в «Слове...» кончилось в «Задонщине». То, что в «Слове...» обрушилось на Русскую землю, в «Задонщине» обратилось на ее врагов.

Начало того исторического периода, с которого Русская земля «сидит невесела», автор «Задонщины» относит к битве на Каяле, когда были разбиты войска Игоря Северского; «Задонщина» повествует, следовательно, о конце эпохи «туги и печали», эпохи чужеземного ига, о начале которой повествует «Слово о полку Игореве».

Центральная идея «Задонщины» — идея отплаты. Куликовская битва рассматривается в «Задонщине» как отплата за поражение, понесенное войсками князя Игоря на Каяле, сознательно отождествляемой автором «Задонщины» с рекой Калкой, поражение на которой в 1223 г. явилось первым этапом завоевания Руси татарами. Вот почему в начале своего произведения автор «Задонщины» приглашает братьев, друзей и сынов русских собраться, составить Слово к Слову, возвеселить Русскую землю и свергнуть печаль на восточную страну, на страну исконных врагов — татаро-половецкую степь, провозгласить победу над Мамаем, воздать похвалу великому князю Дмитрию.

Сопоставляя события прошлого с событиями своего времени, автор «Задонщины» тем самым ориентировал и само «Слово о полку Игореве» на современность, придал новое, злободневное звучание его содержанию, дал новый смысл призывам «Слова о полку Игореве» к единению, во многом проделав ту же работу, что и мос-

ковские летописцы, введившие в обращение аналогичные идеи «Повести временных лет».

В середине XV в. было создано еще одно произведение на ту же тему, получившее огромное распространение на Руси в XV, XVI и XVII вв., — «Сказание о Мамаевом побоище». Оно неоднократно переделывалось впоследствии, и соотношение его редакций составляет один из самых сложных вопросов изучения древнерусской литературы.

Содержание событий подверглось здесь значительному очервлению. Текст прерывается нескончаемыми молитвословиями, морализированием, благочестивыми рассуждениями. Моральные оценки татар и русских усилены; краски даны слишком резко, контрасты увеличены. Победа изображена как неизбежная, отчего «Сказание...» теряет в занимательности. Гордость и злоба татар резко противопоставлены смиренности русских. Все повествование окрашено типичным для XV в. сентиментализмом: оба брата — Дмитрий Донской и Владимир Серпуховской — нежно любят друг друга и т. п. Художественные описания в «Сказании...» заимствованы из «Задонщины», но образы «Слова о полку Игореве» потеряли уже свою связь с замыслом всего произведения в целом.

Ценность «Сказания...» — в тех новых эпизодах, которые оно дает сравнительно с предшествующими произведениями о Мамаевщине. В основе некоторых из них лежат, очевидно, заимствования из народной поэзии, из каких-то эпических народных произведений о Куликовской битве. Таков, например, эпизод единоборства монаха — богатыря Пересвета с татарским исполином. Таков и эпизод с гаданием: в теплую и ясную ночь перед боем князь Дмитрий со своим спутником Дмитрием Волынцем выезжают в поле гадать по приметам о грядущей битве: они прислушиваются к земле, к крикам зверей и птиц, присматриваются к огням обоих станов.

Постоянное и внимательное обращение к временам национальной независимости вызвало развитие исторических знаний. Летописание становится одним из важнейших явлений русской культуры. Собственно уже в домонгольской Руси летописи занимали ведущее место в русской письменности. Однако Батыево нашествие, а затем тяжелые годы иноземного ига привели в первой половине XIV в. к упадку патриотического и исторического самосознания и вместе с тем к явственному упадку летописания. Лишь в Новгороде, непосредственно не затронутом нашествием, и в Твери летописание продолжалось без перерывов.

Со второй половины XIV в. выдвигается новый важный центр летописания — Москва, ко-

торая как бы предваряет свою политическую деятельность ее исторической подготовкой.

Первоначальное летописание Москвы сосредоточивается главным образом при дворе русского митрополита, где внимательно следили за судьбами всех подчиненных ему в церковном отношении русских областей. Положение митрополита «всех Руси», стоящего над всеми церковными организациями отдельных областей, его общерусские связи позволяли митрополичьей канцелярии собирать у себя списки, а иногда и подлинники летописей, ведшихся по городам, князьям, монастырям всей Великой Руси. Интересы церкви делают митрополитов сторонниками устойчивого политического строя и прекращения усобиц.

Московские митрополиты первыми руководят созданием общерусских сводов, соединивших впоследствии все огромное разнообразие русских летописей.

Общерусские летописные своды имели существенное значение в политической деятельности Москвы. Ведя политику собирания русских областей в единое целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий. Благодаря соединению в ней областных летописей московское митрополичье летописание приобрело общерусский характер. Содержание московского митрополичьего летописания, обилие включенных в его состав областных летописей уже в XIV в. свидетельствуют, по словам академика А. А. Шахматова, «об общерусских интересах, о единстве земли Русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникли в политических мечтах московских правителей».

В 1409 г. в Москве был составлен обширный общерусский свод, осветивший русскую историю с точки зрения единства Русской земли. Инициатива составления этого свода принадлежала незаурядному писателю того времени — митрополиту Киприану, но закончен этот свод был уже после его смерти.

Киприан соединил в своих руках управление русской церковью во всех русских областях, в том числе и в тех, которые находились в составе Литвы. Для составления своего свода Киприан собирает с различных концов Руси местные летописи, действуя для этого через подчиненные ему церковные организации. К своду были привлечены Новгородская летопись, Рязанская, Смоленская, Тверская, Суздальская и предшествующая Московская летопись XIV в. Кроме того, в свод Киприана впервые были включены известия по истории Литвы.

Все эти местные летописи подвергались в своде Киприана лишь незначительной обработке. Составители свода намеренно сохранили обвинения новгородской летописи против твери-

*Дмитрий Донской объезжает войска,
подбадривая их перед битвой*
Лицевой летописный свод XVI в.
Б-ка Академии наук СССР

чей, предшествующей московской летописи — против новгородцев и суздальцев и т. д. Московская летопись намеренно сталкивает областные интересы, чтобы тем удобнее было восхвалять политику московских князей — потомков Ивана Калиты. Этому последнему летописи посвящает особую похвалу, отмечая, вопреки исторической действительности, сорокалетнюю «великую тишину» и отдых народа от «истомы» и «тяготы» татарских насилий. Московский характер свода отразился также в количественном преобладании известий по истории Москвы над известиями тверскими, новгородскими, ростовскими и др.

Однако летописец митрополичьего двора сохраняет значительную свободу суждений по отношению к действиям московского великого князя. Путем косвенных намеков и исторических примеров летописец всячески поучает современных ему московских правителей. Так,

например, в назидательных целях в состав летописи была включена похвала уму и военным талантам литовского князя Ольгерда. Летописец *особенно удивляется его умению* хранить военную тайну и внезапно нападать на противников. «Не столько силою, сколько умением воевал», — говорит о нем летописец, стремящийся поставить себя выше московско-литовской борьбы.

Уже после смерти Киприана свод, начатый при его жизни, был заключен «Повестью о нашествии Едигея на Москву». В этой повести летописец, с точки зрения необходимости обратить все военные усилия обеих сторон только против татар, заново перерабатывает киприанскую идею московско-литовского единства. Составитель утверждает, что степные народы — исконные враги Руси. Это была та поправка к киприанской идее, которую подсказывало русскому составителю повести о нашествии Едигея его живое чувство любви к родине. Составитель «Повести о нашествии Едигея» настойчиво проводит мысль об особой опасности внезапных, втайне подготовленных набегов степных кочевников. При этом он отождествляет татар и половцев как общих врагов Руси. Татары заключают ложные «миры», надеясь, что русские в «бесстрашии будут», натравливают литовцев на русских и выжидают ослабления обеих сторон. Татарские отряды, призываемые на помощь русскими князьями, как прежде половцы, стремятся высмотреть расположение русских и их вооружение, чтобы затем самим напасть на них. Этой же политики придерживался и Едигей, всячески заверявший русских в своей дружбе, чтобы легче вторгнуться в русские земли.

Автор «Повести о нашествии Едигея» пересмотрел взаимоотношения Руси со степью от XI до XV в. с точки зрения исконности их вражды, сопоставляя Киевскую Русь с Московской, как это делал и творец «Задонщины». Он упрекает московских великих князей за то, что они не слушают советов «старцев» и призывают себе на помощь против Литвы «половцев»-татар.

При этом летописец, желая оправдать свою резкую критику недостаточно активной политики московских великих князей против «половцев»-татар, ссылается на пример киевского летописца и на историческую объективность одного из редакторов «Повести временных лет» — игумена Сильвестра, «не украшая пишущего», не стеснявшегося без украс оценивать политику великого князя. Это рассуждение летописца о задачах летописания показывает, какого широкого взгляда на свою работу держался московский летописец, какая острота

политического обличения влагалась им в летописные своды начала XV в. и каким авторитетом пользовалась в то время древняя киевская летопись XII в.— «Повесть временных лет».

Вскоре после составления свода 1409 г. потребовалась новая переработка летописания. Политические идеи свода 1409 г. не могли удовлетворить московскую политику. Слишком явно противоречила киприанская идея сохранения распределения русских земель между Литвою и Москвой реальным интересам русского народа. Вместе с тем противоречили тем же интересам резкие выпады узкоместных тенденций русских областей. Поэтому в 1418 г. при митрополите Фотии было предпринято составление нового летописного свода.

Свод Фотия в еще большей мере, чем свод Киприана, стремился стать на общерусскую точку зрения в бесстрастной и «объективной» манере изложения. Поэтому сглаживаются изложения борьбы Москвы с соперничающими областными русскими центрами, опускаются некоторые узкоместные московские известия, сведения семейно-княжеского характера и т. д. Изъятию подверглись пренебрежительные выпады против новгородцев, тверичей, суздальцев. Такая переработка предшествующего летописного свода Киприана, несомненно, была вызвана тем, что в своей объединительной политике и борьбе с антимосковскими силами Москва стремилась опереться на местное демократическое население и была заинтересована в прекращении областной вражды, не желала распространять обвинения на всех суздальцев, новгородцев, тверичей и т. д. Благодаря этому московское летописание становилось подлинно общерусским не только по количеству привлеченных местных летописей, но и по отношению к историческому прошлому всей Русской земли в целом. Это был умный политический шаг, который сразу же оказал свое действие: свод Фотия был принят во всех главных летописных центрах Руси. Он лег в основание новгородского летописания, тверского, ростовского и других, став повсюду проводником идеи объединения Руси.

Настойчивая забота о соединении в единую летопись разрозненных летописей множества разобщенных областей свидетельствует о вполне созревшей мысли о единстве Руси. Мысль эта сочеталась пока с бережным использованием тенденций и не диктовала еще сурового сокращения и цензурирования местных летописей, как это было позднее. Напротив, московская летопись в эти годы начала занимать более демократическую позицию, ставя во главу угла роль горожан в защите Руси от кочевников. Иную трактовку получила, например, в новом своде

Противостояние войск Мамая и Дмитрия (вверху), поединок Осляби и татарского богатыря (посередине) и гибель их обоих (внизу)
Лицевой летописный свод XVI в.
Б-ка Академии наук СССР

осады Москвы Тохтамышем. В предшествующем летописном своде Киприана главная роль в защите Москвы от войск Тохтамыша принадлежит внуку великого литовского князя Ольгерда Остее, заменившему ушедшего в Кострому на сборы войска великого князя Дмитрия Ивановича. Гибель этого литовца сломила якобы сопротивление Москвы. В новой редакции «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву» составитель фотиевского свода с особым вниманием говорит о московских купцах-гостях: «сурожданах» (купцах, ведших торговлю через Сурож — Судак в Крыму) суконниках и др. Они названы поборниками земли Русской; против них главным образом направлена ненависть татар. Литовский князь Остей не выступает уже защитником Москвы от Тохтамыша, как в своде Киприана: сами горожане оберегают город. В повествование введен новый рассказ о подвиге сукон-

ника Адама, который, заметив с Фроловских ворот Кремля (ныне Спасских) важного татарского князя, попал ему из самострела прямо «в сердце его гневливое». Взять Москву Тохтамышу удалось лишь при помощи вероломных обещаний.

Демократический характер этой переделки несомненен. Версия эта носит следы фольклорного происхождения: былины знают горького пьяницу Василия Игнатьевича, который в Киеве со стены города поражает стрелами трех знатнейших татарских вельмож.

Москва явилась собирательницей русского исторического предания, объединительницей местных летописей в обширных сводах. Москва не противопоставляла себя в своих летописях другим русским областям, не замыкалась в узких пределах только своего исторического предания. Это идейное собрание всего исторического прошлого русского народа на основе идеализации киевского периода — периода национальной независимости опережало реальный процесс собирания русских земель вокруг Москвы и как бы ставило перед московской политикой конкретные дальновидные задачи.

Одновременно с летописанием митрополичьим, достигшим в первой половине XV в. такого исключительного размаха в подборе исторического материала и искусства в его обработке, велось и летописание московского великокняжеского двора. Сперва бедное и ограниченное в своих интересах, оно постепенно крепнет в соседстве с летописанием митрополита и во второй половине XV в. достигает в Москве господствующего положения. Это летописание сосредоточено в руках великокняжеских дьяков, систематически подбирающих к нему материал и широко пользующихся московскими архивами, организация которых становится особенно тщательной впоследствии, при Иване III.

Приказное делопроизводство дает обильный материал для великокняжеского летописания. В летопись записываются «разряды» военных походов, «военные отписки», описание приемов при дворе, даются точные хронологические справки, приводятся имена участников похода и списки убитых. Подробно отмечается в летописи все существенное и важное с точки зрения великокняжеской политики, тщательно описываются военные события, особенно походы, в которых принимал участие сам великий князь.

Летописные своды великокняжеского двора обычно доводились «до князя нынешнего», т. е. заканчивались описанием смерти предшествующего великого князя. Так, например, один из летописных сводов заканчивается на 1426 г. известием о смерти Василия Дмитриевича. Вто-

рой великокняжеский свод был составлен в 1462 г. и оканчивался смертью Василия Темного. Впоследствии великокняжеское летописание ведется исключительно интенсивно. Летописные своды возникают в конце XV — начале XVI в. один за другим с небольшими перерывами. Наряду с великокняжескими и церковными летописями возникают летописные своды и в других светских и церковных центрах Руси.

Итак, летописание явилось в конце XIV и в XV в. важнейшим фактором возрождения культурных центров эпохи независимости Руси и собирания русских земель в единое Русское государство.

Обращение ко времени национальной независимости характерно не только для Москвы. Аналогичное обращение может быть отмечено и в Твери, и в Новгороде.

Новгородский архиепископ Евфимий II восстанавливает старые домонгольские здания, заботится о летописании, расширяет культ новгородских святых. Около 1432 г. при Евфимии в Новгороде был составлен новый летописный свод «Софийского временника» (так называлась летопись, ведшаяся при дворе архиепископа), который должен был дать новую историческую концепцию, поставив в центр русской истории историю Новгорода. Однако вскоре после составления этого свода стал ясен его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами начала XV в. В то время как московское летописание было в подлинном смысле этого слова общерусским, объединяло в своем составе известия из самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом, новгородский свод 1432 г. по составу своих известий оставался узкоместным. Поэтому при том же Евфимии II в 30-х годах в Новгороде было предпринято составление нового летописного свода. Различные переработки этого свода явились лучшими и наиболее полными русскими летописями, которыми и поныне пользуются историки при изучении истории XIII — первой половины XV в.

Свод 30-х годов был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Это далеко уже не узкая, местная летопись, редко выходящая за пределы родного города. Свод 30-х годов описывает судьбы русского народа в целом, хотя преимущество по-прежнему отдает Новгороду и в нем видит, очевидно, центр событий русской истории. Замечательно, что свой общерусский характер свод 30-х годов получает в результате заимствования основной массы записей из московских летописей. Стремясь создать свою историческую и политическую

концепцию, противостоящую московской, Новгород все же опирался на Москву и ее книжность. Характерно также, что в противоположность московским летописцам конца XIV — начала XV в., нередко оценивавшим события с точки зрения демократических слоев населения, составитель свода 30-х годов во многих случаях проявил себя как представитель интересов боярской партии «владычного» — архиепископского двора. Он с осуждением отнесся к черному люду — к «голодникам», «ябедникам» — и к городским волнениям.

Установлением летописного свода 30-х годов новгородское летописание первой половины XV в. не ограничивалось. Всего на протяжении 20 лет правления Евфимия II были составлены один за другим три грандиозных летописных свода и около десятка мелких. Составители их проделали огромную работу в поисках различных списков для восполнения недостающих сведений по русской истории.

Со времени составления «Повести временных лет» в Киеве в начале XII в. работа русской исторической мысли никогда еще не была так интенсивна, как в Новгороде в середине XV в. Летописные своды с чрезвычайной последовательностью создавались один за другим, но самостоятельной, стройной новгородской исторической концепции, подобной той, которая была создана в XV в. в Москве, не получилось. Содержание новгородских летописей осталось таким же противоречивым, как противоречива была и сама новгородская жизнь.

В своих попытках возбудить местный новгородский патриотизм, противопоставив его Москве, Евфимий II не ограничивался только заботой о летописании. В 1436 г. в церкви Усекновения главы в новгородском Детинце упавший сверху камень пробил «великую скважину», в которой обнаружилось нетленное тело неизвестного святого. Оповестили Евфимия. Евфимий, убедившись в нетленности мощей, начал молить бога: «Да явит имя, кто есть». В ту же ночь «явился» Евфимию архиепископ Иоанн, «открылся», что мощи принадлежат ему, и «велел» праздновать себя каждое 4 октября. Открытие мощей Иоанна было глубоко продуманным политическим ходом Евфимия. Иоанн (1163—1186) — первый официальный новгородский архиепископ; он был известен в Новгороде как владыка, при котором в 1169 г. произошло «чудесное» спасение города от подступавших к нему войск северо-восточных княжеств. Наследницей этих северо-восточных княжеств теперь, в XV в., была Москва. Это позволяло новгородской боярской партии видеть в Иоанне своего рода «защитника» независимости Новгорода от Москвы.

Само собой разумеется, что открытые так

«кстати» упавшим камнем мощи Иоанна были торжественно водворены в Софийский собор, и почитание этого новоявленного святого приобрело формы почти политической антимосковской демонстрации. Вокруг архиепископа Иоанна и чуда спасения Новгорода от войск суздальцев создается цикл легенд: своего рода культ новгородской независимости.

Основание культа новгородских святых и возвеличивание новгородского прошлого несколько позднее связано было и с другой легендой. Под 1439 г. летопись сохранила сказание пономаря Аарона. В одну из ночей пономарь Аарон увидел, как в церковь Софии «прежними дверями» (очевидно, теми, которыми перестали пользоваться) вошли все «преждеотошедшие» новгородские архиепископы, молились в алтаре и перед иконой Корсунской божьей матери. Пономарь рассказал о своем видении Евфимию, и тот «бысть радостен о таком явлении», велел служить панихиду по всем новгородским архиепископам, а затем установил и более регулярное чествование своих предшественников.

Выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое его устами как бы напоминало о себе. «Преждеотошедшие» архиепископы молились за Новгород, «объявляли» свои мощи и т. д.

Из цикла сказаний, связанных с архиепископом Иоанном, особенный литературный интерес имеет легенда о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим. В сказании много бытовых, натуралистических подробностей, ярко рисующих жизнь и атмосферу Новгорода. Особенно характерен в этом отношении первый из эпизодов повести.

Стоя на молитве в своей «ложнице», Иоанн услышал, что в умывальнике, висевшем неподалеку, кто-то плещется в воде («боробрюща в воде»). Догадавшись, что это бес, Иоанн запер его в умывальнике силою молитвы. Пойманный бес начал «вопети»: «О люто нужде сея! се бо палим есмь огнем: не могу терпеть; скоро пусти, святыне божий!» Происходит любопытный диалог между пойманным бесом и Иоанном. Иоанн требует, чтобы бес, обернувшись конем, за одну ночь сvez его в Иерусалим. Бес обещает, исходит тьмою из сосуда и, обернувшись конем, становится перед кельей святого.

В Иерусалиме Иоанн посещает храм Гроба Господня. Перед ним сами собой отворяются двери, зажигаются свечи и паникадила. Вернув Иоанна в Новгород, бес просил его никому не рассказывать о происшедшем. Иоанн, однако, не выдержал и однажды в «духовной беседе» похвастался, что он знает человека, который

Битва новгородцев с суздальцами
Вторая половина XV в. Икона. Новгород, Музей

за одну ночь успел попасть из Новгорода в Иерусалим. С этого момента бес начал наводить на Иоанна «искушения». Горожане неоднократно видели выходящую из кельи святого «жену блудницу», в самой келье находили женскую одежду, сандалии, монисто; все это показывал, «мечтуя», бес. Народ решил изгнать владыку, «яко блудника». Когда толпа собралась у кельи Иоанна, бес выбежал из нее «во образи отроковици». Ее пытались догнать, но безуспешно. Разгневанная беспутством Иоанна толпа вывела его к Волхову, посадила на плот и пустила вниз по течению. Однако плот, никем не подталкиваемый, поплыл внезапно вверх по Волхову «против великие быстрицы». Пораженный ужасом и раскаянием, народ шел по берегу за Иоанном и умолял его о прощении. Даже виновник всего, бес, «посрамися» и «возрыдася». Святой, стоя на плоту, молился о прощении обидевших его. Не доплыв немного до Юрьева монастыря, плот остановился, Иоанн вышел и был встречен крестным ходом монахов.

Легенда соткана из целого ряда ходячих мотивов, известных из западных житий, народных сказок и патериков. Таковы, например, распространённые мотивы работающего по приказанию святого беса или бесов (например, при построении монастыря), мотив плавания против течения (против течения плывут обычно мощи святых, иконы), мотивы прибытия святого в монастырь по воде (например, в «Житии Антония Римлянина»), мотив оборачивающегося животным, женщиной беса (обычно при искушениях), мотив самоотворяющихся дверей и само- зажигающихся свечей при появлении святого в церкви, мотив путешествия на бесе (в сказках, откуда он перекочевал, между прочим, и в «Ночь перед Рождеством» Гоголя) и т. д.

Центральной легенда цикла, связанного с архиепископом Иоанном, — легенда о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцев. Наибольшую популярность эта легенда получила в переделках югославенского ритора Пахомия Серба, которого Евфимий пригласил между 1429 и 1438 гг. в Новгород для своих многочисленных литературных начинаний и для создания церковного почитания новых новгородских святых.

Составленное по заказу Евфимия «Сказание» о чуде спасения Новгорода в 1169 г. от войск суздальцев героизирует борьбу Новгорода за свою независимость.

Несмотря на разнообразие сюжетов произведений в конце XV и в начале XVI в., в литературе доминируют государственные интересы страны. Государство занимает в литературе

первое место. История страны доминирует над историей отдельного человека. Нравоучительность, назидательность, идеологичность сказываются во всем. Произведения проходят перед читателями как на параде: с воинственно развернутыми знаменами, по которым можно ясно представить себе занимаемые автором позиции, его требования к читателю, его призывы, равносильные приказам.

В традиционную систему жанров все обильнее вторгаются жанры деловой письменности: послания, дипломатическая переписка, челобитные, московское делопроизводство оказывает влияние на стиль летописи.

Есть только одно произведение, которое лишено всякого элемента официальной пышности. Это произведение трогательно своей безыскусственностью и непосредственностью. И в этой непосредственности и отсутствии литературности оно, может быть, больше всего поднимается до уровня большой литературы. Это — записки тверского купца Афанасия Никитина о его «Хожении за три моря» в Индию. По своей форме записки совсем необычны. Они писались не по заказу, а в полном одиночестве среди иноземного окружения. Писал их Никитин для себя, а отчасти в надежде, что они попадут к его товарищам и помогут им в будущей торговле со странами, где он побывал.

По существу, само по себе путешествие Афанасия Никитина типично для конца XV в. Конец XV и начало XVI в. было временем великих географических открытий. Это время Христофора Колумба и Васко да Гамы.

Купец Афанасий Никитин выехал в 1460-е годы из Москвы с русским послом Василием Папиным в Шемаху. Около Астрахани один из его кораблей был захвачен разбойниками, а другой разбила буря у берегов Каспийского моря. Несмотря на потерю кораблей и товаров, Никитин продолжал с товарищами путешествовать «голыми головами». Сухим путем добрался он до Дербента, один перебрался в Персию и морем проник в Индию. В Индии Афанасий пробыл три года и через турецкие владения (через Трапезунд) и по Черному морю вернулся на Русь, но, не доезжая до Смоленска, умер. Его записки были доставлены в Москву и включены в летопись.

Персидские земли описаны Афанасием кратко: по-видимому, они были хорошо известны русским купцам и не представляли особого интереса для путешественника. В Чувиле (Чауле), куда Никитин прибыл морем, он получил первые впечатления об Индии: люди ходят нагие, не покрывая ни головы, ни груди, волосы заплетают в одну косу. Князь их носит покрывало на

голова и на бедрах; бояре ходят с фатой на плече, и с другой на бедрах; слуги княжеские с фатой на бедрах, со щитом и мечом в руках, а иные с копьями, с ножами или с луками и стрелами. Женки не покрывают волос, ходят с голыми грудями, все голы, босы и черны: «Яз хожу куды, ино за мною людей много, да дивятся белому человеку».

Никитин, пишет, как рассказывает, словно перед ним дети, которым он хочет наглядно представить виденное. Он побывал в священном городе Индии Парвате и описал местные религиозные обычаи. Не раз бывал он в столице тогдашней Индии Бедере (Бидаре), описал, чем торгуют, каков двор бедерского султана. Описывает Никитин выезд султана на прогулку во время праздника байрама. Так же подробно воспроизведены Никитиным выезды хана Магомета, его братьев и бояр. В записках Никитина есть также расспросные сведения о других местностях, где он сам не побывал: он упоминает Каликот (Калькутту), Силян (Цейлон), Пев-лу (область Пегу), Южный Китай и др.

С места на место странствует Никитин по Индии в торговых заботах. В городе Чунере Никитин остановился, чтобы продать жеребца, которого купил перед тем за сто рублей. Местный хан ездит на людях, хотя у него есть много слонов и хороших лошадей. Хан взял жеребца, но, узнав, что Никитин русский, стал склонять его перейти в магометанство: «А не станешь в веру нашу, и жеребца возьму, и тысячу золотых на голове твоей возьму». К счастью для Никитина, в Чунер приехал некий хорасанин (господствующее племя в Индии), который заступился за него: освободил Никитина и возвратил ему жеребца. Но Афанасий пришел к печальному выводу: «Ино, братья русьстии...— восклицает он по этому поводу,— кто хочет пойти в Бндейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да въскликнув Махмета, да поиди в Гундустанскую землю». Любопытно, что итальянец Никола де Конти, побывавший в Индии в конце XV в., так и поступил: принял магометанство и обзавелся семьей в Индии. Но Афанасия Никитина тянет на родину. Он любит Русскую землю. «Да хранит бог землю Русскую,— восклицает Никитин.— Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей! Некоторые вельможи Русской земли несправедливы и недобры. Но да устроится Русская земля... Боже! Боже! Боже! Боже! Боже!» Эту тираду он пишет как бы скрыто, на одном из индийских языков русскими буквами: осуждать вельмож Русской земли и желать своей стране «устроиться», т. е. исправить свои порядки, было в конце XV в. уже небезопасно.

3. ВОПРОС О ВОЗРОЖДЕНИИ НА РУСИ

Эпоха Предвозрождения оказала огромное влияние на общий характер русской культуры последующих веков. Живопись Андрея Рублева и его последователей оказывала влияние и в XVI и в XVII вв. Психологизм русской литературы XIV—XV вв. сказывался и в дальнейшем. Впоследствии эти начала русской живописи и русской литературы развились в особую «сердечность» русского искусства. Живописное начало в русской архитектуре, начавшее усиленно развиваться на грани XIV и XV вв., расцвело с необыкновенной пышностью в XVI и XVII вв. «Плетение словес» в значительной мере превратилось в своеобразный прием, но прием этот все же отразил обостренную любовь к слову и дожил до XVIII в.

Но русское Предвозрождение не перешло в настоящее Возрождение. Предвозрождение тем и отличается от Возрождения, что оно еще тесно связано с религией. В нем уже сильны еретические течения и антицерковные настроения, пробуждается индивидуализм, изображение божества очеловечивается, все наполняется особым психологизмом, динамикой, рвущей со старым и устремляющейся вперед. Но религия по-прежнему подчиняет себе все стороны культуры.

Освобождение различных сторон культуры от религии начало проявляться в России только с XVII в. До этого могут быть отмечены лишь отдельные элементы возрожденческой культуры.

Чем объяснить, что вслед за Предвозрождением в России не наступило настоящего Возрождения? Ответ следует искать в общей своеобразии исторического развития России: в недостаточности экономического развития в конце XV и XVI вв., в ускоренном развитии единого централизованного государства, объединявшего культурные силы, в гибели городов-коммун — Новгорода и Пскова, служивших в XIV и в начале XV в. базой предвозрожденческих течений, в силе и мощи церковной организации, подавившей ереси и антиклерикальные течения. Церковь поддерживала создание централизованного государства и государство поддерживало церковь, несмотря на то что в отдельные моменты оно бывало обеспокоено ее мощью.

Особое значение имели падение Византии в 1453 г. и решительный разрыв с Западом после Флорентийского собора 1438—1439 гг. Из-за спора церковей и экспансионистской политики Рима русское Предвозрождение было отделено от западноевропейских культурных центров. Слишком малочисленная интеллигенция оказалась не в силах развивать движение, основы

которого были к тому же подорваны длительной междоусобной войной второй четверти XV в.

Однако неудача Возрождения была завуалирована пышными формами официальной литературы — развитием официальной историографии, превратившей летописи из исторического повествования в выражение официальной идеологии, и появлением грандиозных «обобщающих предприятий» в литературе.

Отдельные возрожденческие идеи, как увидим, публицисты по преимуществу в публицистической мысли.

Подавление централизованным государством всякого проявления вольномыслия сказалось прежде всего в расправе с еретиками. Особенно сильно развернулось еретическое движение в городах-коммунах — Новгороде и Пскове. В XVI в. здесь существовала ересь стригольников, во второй половине XV в. в Новгороде появилась ересь «жидовствующих». По-видимому, ересь конца XV — начала XVI в., известная под названием ереси «жидовствующих», не имела какого-либо строго продуманного учения. Мы знаем о ней главным образом из сочинений ее противников, заинтересованных в том, чтобы преувеличить ее «опасность» и добиться казни. Вероятнее всего, это даже была не столько ересь (т. е. не богословское учение, меняющее некоторые из церковных догматов), сколько движение вольнодумцев. Вольнодумцы эти критически относились к церкви и к отдельным догматам православия, но больше тянулись к светским знаниям, усиленно занимались астрологией и логикой. Это было, по всей вероятности, гуманистическое течение, с которым связывается целый ряд западнорусских рукописей XV—XVI вв. научного и полунанучного содержания. Движение это не затронуло сельского населения, оставаясь, в сущности, так же как и течение гуманистов на Западе, городским и по составу своих учеников «интеллигентским», доступным для немногих. Однако отдельные представители этого движения выражали народные интересы, народный протест против клерикального засилия. Вместе с тем это движение имело серьезное прогрессивное значение, так как будило мысль, вводило в круг образованности новые сочинения, создав в конце XV — начале XVI в. большое умственное возбуждение.

Из Новгорода ересь перекинулась в Москву, сосредоточилась при дворе и в верхах церкви. Вначале великий князь Иван III воспользовался новгородско-московским еретическим движением для некоторого нажима на церковь, могущество которой начинало конкурировать с могуществом государства, но в конце концов,

почувствовав в ереси серьезную опасность, переменял свою политику. На церковном соборе 1490 г. еретики были преданы проклятию. В 1504 г. церковный собор снова осудил еретиков, и некоторые из них были казнены. Тем не менее отдельные еретики продолжали тревожить мысль в течение всего XVI в., выступая как представители не только свободомыслия, но и вольнолюбия.

Вмешательство государства в идеологические и культурные вопросы этим не ограничилось. Оно приобрело огромные масштабы и в конце концов затормозило развитие литературы.

Перед Русским государством XVI в. стояли особые задачи по преодолению пережитков областной раздробленности в быту и в культуре. В каждой из русских областей были свои особенности в письме, в литературном языке. Несходства обнаруживались в церковной жизни, в судебных установлениях, в монетной системе, даже в быту и одежде. Эта «раздробленность» культуры, духовной и материальной, сильно тормозила развитие письменности, литературы, зодчества, техники, стояла на пути объединительной политики государства. Необходимо было укрепить государственную власть, повысить ее авторитет в международных отношениях и внутри страны. Необходимы были реформы в организации управления страной, в военном деле, в законодательстве и т. д. Забота о создании исторической теории происхождения русской великокняжеской власти, об объединении всех исторических сочинений в единых летописных сводах составляет характерную черту этого времени.

Внимание историков древней русской литературы не раз останавливалось на себе особый характер литературного развития XVI в. Литература этого времени идет по пути крупных «обобщающих литературных предприятий» (термин акад. А. С. Орлова), осуществляемых в государственном масштабе и имеющих целью централизацию всей русской культуры, а с другой стороны, она отмечена сильнейшим подъемом публицистики.

Среди обобщающих литературных предприятий подобного рода следует назвать прежде всего «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария. Они представляли собой полное собрание в десяти огромных томах всех произведений, посвященных житиям святых. Одно из самых больших литературных предприятий времени Грозного — «Лицевой (т. е. иллюстрированный) летописный свод». Свод этот начинался со всемирной истории и заканчивался русской. Сохранившиеся до нашего времени шесть обширных томов охватывают русскую историю с 1114 по 1567 г. В этих томах свыше 10 000 мно-

гокрасочных, прекрасно исполненных миниатюр.

Присоединение Казани вызвало составление особой «Казанской истории». Включая в свой состав новые земли на востоке, Русское государство интересовалось историей народов, населявших эти земли.

К «обобщающим предприятиям» XVI в. принадлежат также «Домострой», стремящийся регламентировать все стороны быта русского народа, и «Стоглав», регламентировавший его религиозные установления.

Прославлению рода московских государей посвящена «Степенная книга» — огромное собрание пышных биографий и характеристик всех предков Ивана Грозного и высших представителей церкви.

Официальный характер «обобщающих литературных предприятий» XVI в. ярко сказался в их стиле. Остановимся, к примеру, на стиле «Степенной книги». По происхождению своему стиль «Степенной книги» или стиль других пышных исторических сочинений того времени в той их части, в которой они не являются простым производением из предшествующих произведений, — это стиль «плетения словес». Однако искусное и искусственное нагромождение синонимов, единоначатий, риторических оборотов, любовь к пышным оборотам, преувеличенные похвалы лишены подлинной экспрессии, оставляют читателя равнодушным.

Автор «Степенной книги» открыто говорит вначале, что его задача — идеализация русских исторических лиц. Степени его книги, как утверждает автор, золотые, они составляют лестницу, ведущую на небо. Утверждаются же эти степени «многообразными подвигами в благочестии просиявших скипетродержателей». Книга состоит из «дивных сказаний», «чюдных повестей». Она рассказывает о «святопоживших боговенчаных» царях и великих князьях, «иже в Русей земли богоугодно владетьство-вавших», и об их митрополитах. За «житием и похвалой» того или иного лица следует новая «похвала», затем «похвала вкратце», молитва за усопшего и к усопшему (в зависимости от того, канонизирован он или нет), «паки похвала» и т. п. Идеализируются не только отдельные деятели русской истории, но и вся Русская земля, весь ход ее истории, род государей в целом, ее державные города — Киев, Новгород, Владимир, Тверь, Москва. Идеализируются самые события, ход которых закругляется, сжимается, лишается излишних деталей, сопровождается нравоучениями, вскрывающими их назидательный смысл. Все характеристики, все нравоучения и отступления строго подчинены литературному или просто придворному эти

кету. Многословное изложение «Степенной книги» не трогает читателя. Задача автора состоит только в том, чтобы представить историю как государственный парад, внушающий читателю благочестивый страх и веру в незыблемость и мудрость государства.

В историю властно вторгается политическая легенда. Политическая теория Русского государства нашла выражение в «Сказании о князьях владимирских». Этим «Сказанием...» пользовалась русская дипломатия, отстаивая престиж Русского государства. Темы «Сказания...» были изображены на барельефах царского престола в Успенском соборе Московского Кремля. На нем основывались официальные государственные акты и чин венчания на царство. Согласно этой теории московские государи были прямыми потомками римского императора Августа через Владимира I Святославича.

Были и другие сочинения и теории, пытавшиеся обосновать мировую роль Русского государства. Русские люди все чаще и чаще задумывались над вопросами мирового значения своей страны. Большую известность получила, в частности, теория псковского старца Филофея. Теория эта утверждала, что в мире существует вечное царство — Рим. Это царство преемственно переходит из одной страны в другую. Первый Рим был в Италии и погиб, сохранившись в католичество. На смену первому Риму явился второй Рим — Византия. Но и Византия была захвачена турками (это произошло в 1453 г.). На смену Византии пришла Москва. Москва — третий Рим, а четвертому Риму не бывать.

Повести о Вавилонском царстве рассказывали чудесную историю царских регалий. Повесть о новгородском белом клобуке говорила об особой роли России во вселенской церковной жизни и, в частности, подчеркивала значительность новгородской церковной святыни — белого клобука, который новгородские архиепископы получили якобы из Византии, куда он был перенесен из первого Рима — от папы Сильвестра.

Стремление обосновать особую церковную значительность Русской земли сказалось в массовых составлениях житий (биографий) русских святых и в установлении их повсеместного культа.

Строительство нового единого Русского государства вызвало обширную политическую литературу, в которой обсуждались различные животрепещущие проблемы тогдашней жизни. На почве оживленных споров вокруг тех или иных вопросов появилось множество публицистических сочинений. Публицистический задор заставлял братья за перо холопа и боярина, рядового монаха и митрополита, мелкого слу-

жилого дворянина и самого царя. Все они высказывали разные точки зрения, спорили, защищая интересы разных классов и разных групп внутри господствующего класса.

Публицистика XVI в. отражала по преимуществу борьбу внутри класса феодалов между дворянством и боярством. Дворянство в союзе с государственной властью выступало против реакционной части родовитого боярства, защищавшего свои права и земли от централизаторской политики государства. Передовые дворянские публицисты считали себя заступниками общенародных интересов. Невольно в сочинения дворянских публицистов проникают некоторые ренессансные идеи и представления.

Один из самых интересных публицистов XVI в. — Иван Пересветов. Он был выходцем из Литвы, служил раньше у польского короля Сигизмунда I, у венгерского короля Януша, в Валахской земле у Петра IV Рареша и в Чехии у короля Фердинанда I Габсбурга. Из Чехии он выехал в Москву и здесь выступал с различными публицистическими сочинениями, предлагая реформы и отстаивая равенство всех перед государством.

Как представитель нового, поднимающегося сословия — дворянства, заинтересованного в отмене старых привилегий, Иван Пересветов выдвигает принцип равенства всех перед лицом государя: «Все есмь дети Адамовы». Он ставит в пример русскому царю турецкого султана Магмета, который велел принести к себе «полные и закладные» книги и сжег их. Любимые паши Магмета — бывшие рабы, и ему «ведома нет, какова они отца дети».

Как представитель служилого дворянства, выдвигаемого по личным заслугам, Иван Пересветов выступает против неравенства по рождению и за равенство, создаваемое самим правительством, награждающим лучших: «Который воинник люот будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти, — наставляет Пересветов, — ино таковым воинником имена возвышати и сердца им веселити, и жалованья им из казны своея государевы прибавливати; и иным воинникам сердца возвращати, и к себе их близко припушати, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любить, аки отцу детей своих, и быти до них щедру».

Пересветов выступает за свободу страны. Он пишет: «Которая страна порабощена, те люди не храбры». Против чьего же насилия выступает Пересветов? Из всего контекста его сочинений ясно: против насилия и притеснения «вельмож», бояр.

Вопрос о свободе возник в сочинениях Пересветова в связи с необходимостью заменить

феодалное ополчение регулярным войском. Первое собиралось по принуждению, второе находилось на жаловании. Пересветов постоянно подчеркивает, что воевать надо за награду, а не по принуждению: «Воинника держати, как сокола чередити, и всегда ему сердце веселити».

В XVI в. постепенно и осторожно начинает отходить в прошлое теологическая точка зрения на человеческое общество. «Законы божественные» еще сохраняют свою авторитетность, но наряду со ссылками на библейские книги появляются вполне «ренессансные» ссылки на законы природы. Проекты Ермолая-Еразма основаны на представлении о том, что хлеб — основа жизни хозяйственной, общественной и духовной. На естественный порядок вещей в природе, как на образец для подражания людям в общественной и государственной жизни, ссылаются ряд писателей XVI в. Иван Пересветов в своих писаниях почти не пользуется уже богословскими аргументами.

Развитие публицистики в XVI в. связано с верой в силу убеждения, в силу книжного слова. Никогда так много не спорят в Древней Руси, как в конце XV—XVI в. Развитие публицистики идет на гребне общественного подъема веры в разум, в возможность улучшить общество и государство доводами рассудка.

Эта вера в разум, в силу убеждения очень характерна для поднимающейся прогрессивной социальной группы — служилого дворянства. Она составляет характерную черту публицистики эпохи образования и укрепления централизованного государства и вместе с тем ту внутреннюю основу ее, которая позволяла спорить, убеждать, побуждала братья за перо, составлять проекты и предлагать реформы.

О значении книжного слова неоднократно пишет в своих сочинениях Иван Пересветов. В «Сказании о царе Константине» Пересветов считает, что основной причиной неудач Константина было то, что вельможи его — «ленивые богатины» — дали ему прочесть неправильные книги, в которых проводилась мысль, что царь не должен ходить войной «на иноплеменническую землю»; «царь книги прочел да укротел».

С другой стороны, успехи султана Пересветов объясняет опять-таки влиянием книг — на этот раз правильных и мудрых.

Интересен и другой публицист XVI в. — Ермолай-Еразм, выступавший с защитой интересов крестьян. Вера в возможность установить социальную справедливость с помощью убеждения и доброй воли законодателя отличает сочинения Ермолая-Еразма, который предназначал свои сочинения для государя. К государю обращена его «Правительница» и «Моление к царю».

Вера в силу разума, в силу личного убеждения — характерная черта XVI в. Казалось, что достаточно убедить в чем-либо своих идейных противников или само правительств, и жизнь станет развиваться на разумных началах, примет другое направление. Эта вера в возможность достигнуть коренных преобразований простым убеждением всеильного монарха роднит русскую мысль XVI в. с западноевропейскими идеями просвещенной монархии.

Кроме веры в силу разума, для русской публицистики XVI в. характерна и другая новая черта: в сознание общества вошла мысль, что забота о благе населения — главная обязанность государя. Появилась идея ответственности государя перед народом. Эта идея была настолько сильна, что сам царь вступает в полемику со своими идейными противниками и заботится об идеологическом истолковании своей политики.

Царь Иван Грозный был темпераментным публицистом. Ему принадлежат два письма князю Андрею Курбскому, обширное послание в Кирилло-Белозерский монастырь, несколько дипломатических посланий иностранным государям и др. Свои сочинения Грозный делал доступными для чтения русских читателей; они переписывались от руки и читались в XVI и XVII вв. В своих посланиях Грозный выступал за укрепление государственной власти против произвола боярства и церковных властей. Он писал страстно, с полемическим задором, то саркастично, то с глубоким лирическим чувством, умел поддеть своего противника, высмеять его, обличить в невежестве. Значительна историческая эрудиция Грозного. Он один из самых образованных людей своего времени.

Литературный противник Грозного, князь Андрей Курбский, был также выдающимся писателем своего времени. Князь Курбский принадлежал к роду ярославских князей и считал себя потомком Владимира Мономаха. Он был участником завоевания Казани, а затем видным военачальником в Ливонской войне. Военное счастье не оставляло Курбского, он выдвинулся и был одно время во главе всего русского войска (в 1560 г.), но, опасаясь попасть под опалу Грозного, изменил родине и бежал к польскому королю Сигизмунду-Августу. Почти два десятилетия прожил Курбский в Литве, ведя обширную переписку, занимаясь переводами святоотеческих произведений на русский язык и защищая православие в Литве от католиков и протестантов. В Литве же Курбский написал свою знаменитую «Историю о великом князе Московском» — Иване Грозном. «История...» тесно связана с его письмами к Грозному, в которых он упрекает царя в бессмысленных

жестокостях и на которые Грозный отвечал своими полными сарказма посланиями. Биография Грозного должна была служить как бы обвинительным актом деспотизму государства и государя. Добролюбов писал: «За себя и за своих сверстников-аристократов он мстит Иоанну гласностью, историей».

Впервые в русской историографии появился труд, цель которого заключалась не в том, чтобы просто изложить события, связанные с той или иной страной, городом, монастырем или историческим лицом, а вскрыть причины, происхождение того или иного явления. Таким явлением, которое пожелал Курбский объяснить в своей «Истории...», были жестокости Грозного, начатое им «лютое гонение» на людей, особенно тех, которые пытались быть самостоятельными, и принесшее неисчислимые бедствия стране. Ответ, который дает Курбский в своей «Истории...», вполне в духе XVI в.: всему тому виной злые советники. Курбский, как и Пересветов, верит в силу разума, в силу убеждений. Поэтому злой или добрый совет может переменить характер царя, направить историю по новому пути. Началось все с того, что Иван остался без отца сиротой, а пестуны и «ласкатели» поощряли в нем дурные наклонности. Картинно описываются в истории первые детские жестокости Ивана, как он метал с высоких крылец животных и, собрав вокруг себя таких же юных сорванцов, носился с ними на конях по площадям и торжищам, грабя, избивая и умерщвляя мужей и жен. Начавшиеся жестокости царя были приостановлены двумя мудрыми и юными мужами — Алексеем Адашевым и попом Сильвестром из Новгорода. Они явились к царю и своими разумными советами исправили его на некоторое время, подобно врачам «согнившие гагрины стрижуще и режуще железом, або дикое мясо, возрастающее на ране, обрезающе аж до живого мяса». Составившийся при царе совет юных, «избранная рада», направил царя на добрый путь и доставил победы русскому оружию. Подробно описывает Курбский военные походы Грозного и взятие Казани. При этом особенное внимание уделяет Курбский советникам Грозного и их советам. Появление злых и эгоистичных советников, стремившихся утвердить свое влияние на царя путем поощрения его страстей, привело к концу благополучный период его царствования.

На третий день после Казанского взятия царь «отрыгнул нечто неблагодарно» и вместо «благодарения воеводам и всему воинству своему» разгневался на одного из участников взятия, и с того поднялись новые беды. Царь стал слушать дурные советы, из которых самый дурной был подан ему одним старцем: «И ища хощеши

самодержец быти, не держи себе советника ни единого мудрейшаго себя». Подробно описывает Курбский, как возрастала злоба в царе, подогреваемая страхом независимых мнений и советов.

От объяснения причин гонений Курбский переходит к подробным и картинным описаниям самих гонений и бесчинств Грозного, разращения нравов, наступившего в результате всеобщего страха и разорения страны. Перед нами первый политический памфлет в русской литературе, развернутый до подробной истории царствования Грозного.

В «Истории о великом князе Московском» сказались традиции русской воинской повести, обличительных проповедей и сочинений Максима Грека, однако при всем том «История...» выделяется самостоятельностью индивидуального стиля, стройностью и энергией изложения.

Подытоживая литературное развитие XVI в., необходимо подчеркнуть черты нового в области художественной формы. XVI век отмечен сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы, в области жанров. Устойчивость жанров нарушена. Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Темы публицистики — темы живой, конкретной политической борьбы, и многие из тем, прежде чем проникнуть в публицистику, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся формами публицистики.

В «Деяния» Стоглавого собора внесена сильная художественная струя. «Стоглав» — факт литературы в той же мере, как и факт деловой письменности. В летопись энергично входит элемент выдумки. В уста исторических лиц летописи вкладываются измышленные речи.

В XVI в. в литературных целях употребляется дипломатическая переписка. Форма дипломатической переписки используется в чисто литературных целях в выдуманной, чисто литературной переписке, якобы бывшей между турецким султаном и Иваном Грозным.

Дипломатические послания, постановления собора, челобитные, статейные списки становятся формами литературных произведений. Они свидетельствуют о процессе медленной секуляризации литературы.

Наконец, в XVI в. появилось еще одно знаменательное явление, которому в будущем суждено было решительным образом изменить характер литературы, — книгопечатание. В 1564 г. вышел «первопечатный» «Апостол» (книга апостольских посланий, читаемых в церкви во вре-

Апостол Лука

Лист из «Апостола» 1564 г. Москва

мя некоторых богослужений), изданный в Москве Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Издание это во многом замечательно. Текст «Апостола» был тщательно проверен и отредактирован. В нем не было ни одной опечатки. Шрифт, украшения, иллюстрации были выполнены тщательно и продуманно. Издание готовилось десять лет. Есть сведения, что «первопечатный» «Апостол» не был на самом деле первую печатную книгу на Руси. Уже до него в каких-то неизвестных нам типографиях были изданы и другие церковные книги.

Вскоре после издания своих первых книг Иван Федоров и Петр Мстиславец переехали в Литву, но печатание книг продолжалось — сперва в Москве, а затем в Александровской слободе под Москвой. Всего во второй половине XVI в. было издано около 20 печатных книг, а сам «Апостол» 1597 г. вышел очень большим по тому времени тиражом: было издано 1050 экземпляров.

XVI век характеризуется расцветом исторических песен. В отличие от былин исторические песни посвящены отдельным историческим событиям: взятию Казани, походам Ермака, женитьбе Грозного или убийству им сына. В них нет одного героя-богатыря. В них действует войско, народ, а исторические лица имеют сложный характер, в них соединяются положительные и отрицательные черты. В этом отношении исторические песни XVI в. представляют очень важную параллель к литературе того же времени, где определяются аналогичные черты усложнения изображения человека.

Таким сложным и противоречивым характером выступает в исторических песнях Иван Грозный. С одной стороны, Грозный заботится о чести своего государства, отстаивает интересы Руси, он отходчив, быстро восстанавливает справедливость. С другой стороны, это жестокий и властный, скорый на кровопролитие и самовластный деспот, не терпящий никаких возражений. Народ подметил мнительность Грозного, его склонность подозревать измену, но и его нелюбовь к боярам. Последнее вызвало сочувствие: царь был силой, которая могла восстановить справедливость.

Исторические песни всегда остросюжетны, имеют завязку и развязку — по большей части счастливую. В песне «Взятие Казани» рассказывается, как государь-царь Иван Васильевич «под Казанку под реку он подкопы подводил, // За Сулай за реку бочки с порохом катил». Ничего не подозревающие казанцы похаживают по стенам и «всякие похабности оказывают, // Они грозному царю да надсмехаются: // «Не бывать нашей Казани да за белым царем!»». Далее сюжет осложняется. Для проверки были зажжены две свечи. Одна, которая, догорев, должна была взорвать порох в подкопе, а другая возле царя, чтобы по ней следить, когда произойдет взрыв. Когда догорела свеча перед царем, взрыва не происходит. Это вызывает гнев царя: «Приказал тут он да пушкарей казнить, всех подкопщиков да й зажигалицычков». Выручает всех один молодой пушкарь. Он «при- отважился», подошел к царю и объяснил ему: «На ходу-то наши свечки скоро горят, // Во глухом же месте оне тихо горят». Не успел пушкарь слова вымолвить, как бочки с порохом взорвались и татар, насмеявшихся над царем, всех поубивало и поразбросало. Царь щедро наградил пушкарей и особенно того пушкаря, который «к царю близко подходил, ему речи говорил».

Другая историческая песня — «Смерть царицы Анастасии Романовой» — повествует, как, умирая, царица, которой и литература русская этого же времени приписывала благотворное

влияние на царя, дает ему «добрые советы».

Она наказывает ему не быть «спальчивым» до своих детушек-царевичей, стоять за православную веру, быть кротким «до чужих-то до деточек — новобраных же солдатушек», быть милостивым к крестьянам «чернопахотным» и, наконец, не жениться в «проклятой Литве» «у Кострюка-Нетрюка на родной сестре», чтобы не порушилась наша вера православная. Этого последнего совета Грозный не стерпел, разгневался и убежал из спальни умирающей царицы.

И тут скатилась звезда поднебесная, потухла свеча «воску ярого» — умерла царица благоверная.

Следующая песня о Кострюке рассказывает, как вопреки наказам Анастасии Грозный сватался к Марии Темрюковне. На почетном свадебном пиру брат новой царицы К острою к Тем-рюкович похваляется побороть любых московских борцов. Царь подозвал борцов. Случился тут только Васенька Хромоножецкой:

На леву он ножку припадывает,
По двору прихрамывает,
И ко двору государеву придымается.

Он-то и побеждает Кострюка, пускает его без штанов по каменной Москве. Грозный награждает победителя, а побежденный Кострюк закаивается бывать на святой Руси.

Другой завет Анастасии нарушает Грозный в песне «Иван Грозный и его сыновья». Песня рассказывает, как на почетном пиру Грозный похвалялся, что вывел он измену в Казани, в Рязани и Астрахани, в Новгороде и каменной Москве. Сын его Иван Иванович перечит Грозному и указывает на Федора, который в Новгороде жалел людей и сек вместо людских голов гусиные.

За эту «измену великую» Грозный велит своим палачам казнить князя Федора. Спасает Федора Никита Романович, брат царицы.

Как видим из приведенных исторических песен, все они остросюжетны, а героями выступают не те, кто храбро сражался с врагами, а те, кто стоит за справедливость и не боится «близко подходить и речи говорить» грозному и жестокому царю.

Социальная тематика все более входит в эпическое сознание народа.

Написанная за рубежом «История о великом князе Московском», посвященная биографии Грозного, не оказала влияния на последующую литературу Руси, но она явилась первым симптомом нового отношения к историческим проблемам, нового исторического сознания, с особенной резкостью сказавшегося в сочинениях так

называемого «Смутного времени» начала XVII в.

В XVI столетии были заложены основы того переворота, который совершился в XVII в. и который привел к появлению в России литературы нового типа — литературы Нового времени. Этот переворот был ускорен огромным

историческим опытом, приобретенным во всех слоях русского общества, событиями крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в., падением династии, усилившимися сношениями с Западной Европой и воссоединением с Украиной.